

Сэй Алек РЕЙХОВ СЫН

Kapitulieren wird Deutschland niemals, niemals, jetzt nicht und in drei Jahren auch nicht.

**Hitlerrede am 8.11.1939 Burgerbraukeller,
Munchen¹**

Предисловие

8 ноября 1938 года в Берлине появился странный молодой человек, утверждающий, что явился из 2006 года. Не соответствующая времени одежда, своеобразный немецкий язык и, главное, мобильный телефон и mp3-плеер, которые были при нем, заставляют верхушку Третьего Рейха принять его бредовые рассказы всерьез.

К сожалению, он очень мало может рассказать как об истории, так и о технике, а в мобильнике у него нет ничего, кроме музыки и порно, но все же некоторые выводы на основании его показаний

¹ «Германия никогда не капитулирует, ни сейчас, ни через три года». Речь Гитлера 8.11.1939 в пивной в Мюнхене.

сделать удастся. История начинает развиваться иным путем.

Получив от Чехословакии Судетскую область, Гитлер не аннексирует эту страну. Раздела Польши между Германией и СССР не происходит. Более того, в обмен на Данцигский коридор президент Можицкий получает возможность захватить Литву, что и делает (несмотря на отчаянное, но недолгое сопротивление литовцев) 30 апреля 1939 года. Польша вновь становится Речью Посполитой. Эстония и большая часть Латвии отходят к СССР.

Будучи твердо уверены в дальнейшем германо-польском наступлении на Советский Союз, Англия и Франция посылают в воюющую с СССР Финляндию сорокатысячный экспедиционный корпус под прикрытием мощной эскадры боевых кораблей. Почти сразу после этого английские и французские бомбардировщики наносят из Сирии авиаудар по нефтепромыслам Кавказа и черноморским портам Страны Советов, однако решительного успеха операция «Бакинская нефть» не приносит. Попытка склонить Турцию к совместным действиям против СССР оканчивается ничем, и Новая Антанта объявляет войну и этой стране, надеясь за неделю-две принудить ее к капитуляции и вторгнуться на Советский Кавказ через ее территорию.

Несмотря на успех начальной фазы войны,

Турция, благодаря помощи Болгарии, Югославии, Румынии, Венгрии, СССР и — незначительной — Германии, также вступившей в войну против Франции и Англии, устояла, и продолжила сопротивление.

Однако войска Вейгана и О'Коннора уверенно рвутся к Анкаре, а ожесточенные бомбежки советских и турецких территорий продолжаются...

Часть I

DAS KLEINE EDELWEISS²

Так оставьте ненужные споры!

Я себе уже все доказал.

Лучше гор могут быть только горы,

На которых еще не бывал...

Владимир Высоцкий, «Прощание с горами»

А внизу дивизии «Эдельвейс».

И «Мертвая голова».

Михаил Анчаров, «Баллада о парашютах»

² Маленький эдельвейс (нем.). Цветок эдельвейса являлся эмблемой горнострелковых частей вермахта и СС.

Северное побережье Турции, окрестности города Герзе

12 марта 1940 года, 06 часов 12 минут.

Холодные волны Черного моря, свинцово-серые в утренних сумерках, лениво накатывались на галечный пляж, и с тихим шорохом откатывались назад. Откатывались, чтобы вновь омыть гальку пляжа и то, что на него вынес прибой. А вынес он этим утром немало.

— Какой черт понес этого русского вдоль побережья, прямо под английские бомбы? — оберфельдфебель Рольф Фишер был трезв, хотел спать, и, как следствие, был чертовски зол на капитана советского парохода, подставившего свою, несомненно заслужившую участь металлолома, лоханку под атаку ночного пикировщика Новой Антанты. — Не мог подохнуть где-нибудь посреди моря, чтобы честные немцы могли спокойно выспаться?

— Не бурчи, Ролле, — усмехнулся оберлейтенант Дитер фон Берне. — Как говорят на южных островах, «кто знает, что принесет прилив». Сейчас перевалим холмик, глянем, что да как, и обратно.

— Ага. Как раз ко времени побудки и

вернемся. — Фишер не разделял благодушного настроения своего ротного, который — в 100-м горном полку об этом не знал только глухой, — обходился двумя-тремя часами сна в сутки. — И вообще, предчувствие какое-то поганое у меня...

Предчувствие его не обмануло. Несколько бойцов в фельдграу, включая всего месяц как прибывшего в полк фаненюнкера Инго Ортруда, буквально вывернуло наизнанку при виде утреннего морского пейзажа.

— Господи Боже мой, Дева Мария... — ошарашенно пробормотал не замеченный прежде в религиозности оберфельдфебель и перекрестился.

Дитер фон Берне сглотнул вставший в горле ком:

— Отставить блевать! Быстро все вниз, может, кто-то еще жив!

В каких-то трех-четыре сотнях метрах от берега из волн выглядывал кусок закопченного, развороченного взрывами борта советского парохода, а прямо перед Фишером и фон Берне по всему пляжу валялись выброшенные морем тела. Обожженные, искалеченные взрывами и огнем.

Тела детей.

Их было много, больше сотни. Мальчишки и девчонки от шести-семи лет до подростков годков пятнадцати, рваные и переломанные, в лохмотьях, покрытых гарью и кровью, которые не смогла

смыть даже морская вода. Кого-то из них прилив вынес на берег, кого-то, словно ветхую тряпичную куклу, прибой болтал на самой своей кромке, иные едва видны были из-под воды, рядом с берегом...

— Тощенькие-то все какие, прям сущие цыплята, — произнес Фишер, закуривая папиросу. Полчаса спустя, когда солнце уже начало несмело выглядывать из-за горизонта, солдаты продолжали осмотр тел на предмет наличия оставшихся в живых, но надежд на успех не было никаких. Все трупы были либо изувечены взрывами и осколками, либо несли на себе ожоги, несовместимые с жизнью. Чаше, впрочем, было и то, и другое. — Не кормили их там, что ли, в их СССР?

— Ты ненаблюдателен, Ролле, — командир второго взвода, фельдфебель Шварц, хотя и не курил, присел рядом, на здоровенный валун, где разместил свое сидалище его товарищ. — Мальчишки все с бритыми головами, одежда на них из одного материала, и, судя по всему, была если не одинаковой, то единообразной... Тебе это ничего не напоминает?

Фишер затянулся и задумчиво поглядел на Шварца.

— А скажите, когда вам давали по зубам последний раз, герр Холмс? — спросил он. — А то у меня сейчас как раз возникло почти непреодолимое желание это сделать.

— Перед самой отправкой в Турцию, герр Ватсон, в заведении мадам Лили, где мы с вами, геноссе, не поделили Адель и толстушку Инкен с летунами. Вы, камрад, помнится, тогда схлопотали стулом по хребтине, отчего тот утратил целостность и превратился в топливо для камина. А вывод из всего того, что я тебе до этого сказал, Ролле, самый простой.

Однако озвучить этот вывод фельдфебель не успел.

— Герр оберлейтенант! Есть один живой! — донесся взволнованный крик Ортруда. Юноша быстро справился со скрутившим его спазмом, и в дальнейшем вполне успешно исполнял свои ефрейторские обязанности.³

Все присутствующие тут же поспешили на зов

³ В вермахте кандидат в офицеры после обязательной годичной службы в качестве рядового получал звание «фаненюнкер», равное званию «ефрейтор», и после непродолжительных теоретических занятий (от 2 до 6 месяцев) посылался в боевой полк на ефрейторскую должность на срок от 4 до 6 месяцев. В это период ему должны были предоставить возможность часть времени выполнять обязанности командира отделения. На последующих курсах обучение строилось аналогичным образом, с повышением как в звании, так и в должности, ежегодно.

фаненюнкера.

Когда Шварц и Фишер добрались до места обнаружения выжившего, там уже был ротный санитарфельдфебель Северин с еще более мрачным, чем обыкновенно, лицом, меряющий пульс едва заметно дышащему пареньку лет четырнадцати-пятнадцати. Удивительно, но молодой человек выглядел сравнительно целым, что «ротный коновал» и не замедлил подтвердить:

— Открытых ран нет, переломов, кажется тоже, — сообщил он фон Берне. — Конечно, могут быть внутренние ушибы и гематомы, разрыв органов...

— Ты, как всегда, оптимистичен, Ганс, — скривился Шварц.

— ... однако на это ничего не указывает. Я бы предположил шок от контузии. Кроме того, он, вероятно, наглотался морской воды.

Словно услышав его слова, мальчик приоткрыл глаза, обвел окружающих мутным взглядом и простонал:

— Pit'.

— Что он сказал? — спросил ротный. — Кто-нибудь понимает по-русски?

— Он попросил пить, герр оберлейтенант, — сообщил оберягер Бюндель. — Я знаю русский.

Ни говоря ни слова, Дитер фон Берне отцепил от пояса свою фляжку, открыл ее и поднес

горлышко к губам пацана. Тот сделал несколько жадных глотков, поперхнулся и закашлялся.

— Пока довольно, герр офицер, — Северин мягко отстранил руку с фляжкой. — Обезвоживания у него нет.

— Бюндель! — фон Берне обернулся к оберягеру. — Спросите у него, хотя бы, как его зовут.

— Яволь. — Унтер встал на одно колено рядом с пареньком и по-русски, медленно и раздельно, произнес: — Как тьебя зов'ут, мальчык?

— Гена... Кудрин, — тихо прохрипел тот, и снова потерял сознание.

— Was?!! — всем присутствующим показалось, что сейчас у оберягера глаза лопнут от изумления.

— Что он сказал? — поинтересовался фон Берне.

— Прошу простить, герр оберлейтенант, но, если я правильно понял, он утверждает, что его имя — Гейнц Гудериан!

Герзе, казармы I-го батальона 100-го горного полка

12 марта 1940 года, 08 часов 25 минут.

В иное время года и при иных обстоятельствах Дитер фон Берне с удовольствием побывал бы в этом городке. Прекрасные пляжи, приятные пейзажи — тишь, благодать... Деревня чертова. Или как это турки называют? Аул? Или не аул? Надо бы узнать, потому как от командования пришел приказ: «Офицерскому составу выучить турецкий язык в кратчайшие сроки, для максимально полного взаимодействия с союзниками». Видел Дитер этих союзников — без слез на таких вояк и не глянешь. Не радовали турки оберлейтенанта ни вооружением, ни выучкой. Да и участвовавшие переезды также отнюдь не радовали. Вроде бы едва-едва успели обустроиться под Бухарестом, обжиться — и тут раз тебе, и такой поворот. Быстро пакуй вещи и отправляйся в Турцию, незнамо от кого ее защищать.

Вернее — от кого, это-то, положим, отлично известно. А вот весь вопрос в том — на хрена? Мало того, что Кригсмарине в полном составе уже который день не может выловить в луже, именуемой Балтийским морем, франко-британскую эскадру — да что эскадру, даже торпедированный подводниками английский авианосец изловить не могут, сжигая тонны топлива почему зря, — так теперь русских не только на море, их еще и на суше надо защищать! Прут англичане с французами на вас через Турцию, так помогите президенту Ине...

Ину... Инёню (вот фамилия — язык сломать можно!), введите войска с Кавказа. Ах, там восстания? И в Крыму тоже? И на Украине? А почему в Фатерлянде никто восстание не поднимает? А потому, что если б в Рейхе были недовольные, их бы уже давно не было! Нет, видать, у русских фюрер, как его — Сталин? — какой-то мягкотелый. Либерал, не иначе. Вот и доминдальничался с оппозицией: война, а у него недовольные. И детишки тонут почем зря.

Зрелище пляжа, покрытого изуродованными детскими телами — в этом фон Берне не желал признаваться даже себе, — произвело на него жуткое впечатление. В первый миг хотелось того уroda, который сбросил бомбы на пароход, нет, не удушить, порвать на множество кровавых кусочков, причем ме-е-едленно. Чтоб помучился, гад. Это потом уже холодный разум убеждал своего владельца, что пилот британского «Mosquito» не знал, что или кто находится в трюмах корабля: люди, нефть, военные грузы для турецкой армии, или, например, грузинское вино. Человек просто выполнял поставленную задачу — топить все, что плавает. Знай он о пассажирах, отвернул бы, наверное, ручку штурвала, не сбросил бы свой смертоносный груз на старую калошу... Но это понимал разум. А руки-то все равно чесались.

— Ну, как там мой недоутопленник? —

поинтересовался Дитер, входя в лазарет.

Лазаретом, конечно, это помещение можно было назвать весьма условно. Батальон прибыл в Герзе всего два дня назад и еще не обустроился в выделенном местной магистратурой, или как оно у турок называется (фон Берне мысленно поставил себе в памяти галочку рядом с галочкой про деревню), здании системы «барак», класс — «слабо благоустроенный», тип — «давно нежилой». И даже прекрасный песчаный пляж рядом с казармой не радовал, как и близость моря. Холодно, черт возьми! Март месяц. Какое уж тут загорать да купаться? Война, опять же...

— Недурно, весьма и весьма недурно, — отозвался командующий этим заводом по оздоровлению Вермахта, штабсартц Рот. — Небольшая контузия, совсем пустяковая, ни заикаться, ни произвольно дергаться и мочиться в постель не будет. Ну, и некоторое сотрясение мозга. Два-три денька на койке проваляется и будет как новый. А с учетом того, какой он недокормленный — так и получше, пожалуй.

— Что, интендант Зюсс поставил парнишку на довольствие? — хмыкнул оберлейтенант.

— Да куда б он делся? Приказ самого майора Шранка. Да и без приказа бы поставил, — врач махнул рукой. — Он же интендант, а не чудовище какое.

В том, что касается интендантов, Дитер имел прямо противоположное высказанному штабсартцем мнение, которое, впрочем, благоразумно оставил при себе.

— Ну, а сам парнишка что говорит про себя, Берко?

— Димо, ты меня прямо удивляешь. Откуда ж мне быть в курсе, если я по-русски знаю только три слова: Lenin, Stalin, tovarisch.

— А... как же ты его тогда опрашивал? — изумился фон Берне.

— А твой Бюндель на что? Вот через него и опрашивал.

«Похоже, скоро оберяггер получит прозвище «стетоскоп»», — подумал Дитер.

— Он, между прочим, еще не ушел, — меж тем продолжил Бернард Рот. — Так что можешь сам спросить у юноши все, что тебе интересно. Как лечащий врач — не возражаю.

Герзе, лазарет I-го батальона 100-го горного полка

12 марта 1940 года, 08 часов 35 минут.

— Ну, молодой человек, как самочувствие? — преувеличенно бодро поинтересовался у паренька

фон Берне. Оберягер Бюндель перевел вопрос, попытавшись изобразить интонацию.

«Боже ж ты мой, прав Берко, тысячу раз прав, — подумал оберлейтенант. — Хоть отъестся мальчик. Вот же, без слез не взглянешь. Лысенький, тощенький — кожа да кости — ну ровно цыплек ощипанный. В чем душа держится-то? И ведь не потонул! Было б сало, понятно отчего, а при таком теловычитании, как у него, плавучесть должна быть отрицательной».

— Говорит, что вроде бы неплохо, только голова кружится и тошнит немного. Еще жалуется на небольшой звон в ушах, — сообщил Бюндель.

— Ну, это ерунда, — улыбнулся оберлейтенант. — Сотрясение. Помню, на чемпионате по боксу между полками меня один бугай из «Великой Германии» так приложил, что я потом три дня пластом лежал. Врачи еще удивлялись, чему у меня там было сотрясаться?.. Курт, а вот переводить последнюю фразу было вовсе не обязательно. Так, о чем я? А, собственно, расскажите мне, как вы оказались на том корабле, куда плыли. Ну, и кто же вы действительно такой, Гейнц Гудериан?

Мальчик внимательно выслушал перевод вопроса, кивнул, понял я вас, мол, набрал воздуха в легкие и начал рассказывать.

Отец Генки был офицером еще в той, царской

армии. Не генерал, или полковник какой, нет. Обычный пехотный прапорщик. Умом ли, иными ли какими талантами, он выбился в офицеры из нижних чинов, это теперь уже вряд ли кто-то сможет сказать, однако о своем социальном происхождении не забыл, и когда в октябре 1917-го грянула Революция, ее поддержал. Не подозревал тогда еще прапорщик Андрей Кудрин, что именно из-за своего офицерского прошлого уже через двадцать лет превратится он из героев, проливавших кровь на полях Гражданской за благо трудового народа, в «неблагонадежный элемент», во врага того самого народа, за который насмерть рубился с белогвардейцами. Не знал, что, выступая на стороне восставших, тем самым «втирался в доверие с целью вредительства», что в званиях рос затем не по заслугам, а исключительно как «участник контрреволюционного заговора». И о том, что на три разведки разом работает, тоже не знал.

Мать Генки, как «пособницу», забрали вместе с отцом, да вместе с ним же к стенке и поставили. Ну, а Генка... То ли не поднялась рука у следователя на несмышленного пацана, то ли заступники из друзей отца, решившие о сыне порадеть, сыскались, то ли еще случилось что — но отправили Генку в детский дом. На Кавказ, от столицы подальше.

Там и обитал Генка Кудрин последние три года. Плохо ли, хорошо ли... Зато живой. Клеймо «сын врага народа», конечно, никто не отменял, и парень понимал, насколько трудно ему придется в жизни, когда придет время выйти из приюта, но в детском доме он был не единственный такой, так что рукоприкладства от более сильных воспитанников ожидать не приходилось: любого задиру враз бы толпой замяли, появившись в его придирках хоть намек на судьбу родителей. По иным другим причинам — запросто, вплоть до глупого «В морду получить заказывал? Нет? Ерунда, оплачено!»

Впрочем, жизнь не была такой уж беспросветной. Пускай жилось голодно, пускай силенками он не удался в отца — при недоедании-то и не удивительно, — зато рос жилистым и выносливым. Нет, не был он мальчиком для битья. Остервенело отбиваясь, вместо того чтобы стерпеть несколько пинков и затрещин, был он несколько раз изрядно бит... и оставлен в покое со словами: «Ну его на фиг, блаженного. Еще до смерти пришибем». Хотя на самом-то деле причиной тому была насквозь прокушенная ладонь одного из вожаков.

«Вот так мы и жили, спали врозь, а дети были», — прокомментировал все сказанное парень, свергнув Бюнделя в ступор — тот попросту не знал,

как это перевести.

А потом был страшный день, третье марта, когда на Батуми с небес начали сыпаться бомбы, осколки зенитных снарядов и сбитые самолеты. Какие объекты были приоритетными целями для англо-французских пилотов, Генка, конечно же, не знал. Знал он другое: и бомбы, и сбитые машины упали по большей части на жилые дома. Город затянуло дымом пожаров, с которыми не справлялись команды брандмейстеров, люди растаскивали завалы, пытаясь вытащить уцелевших под ними родных — да хоть бы и не спасшихся, хоть бы и просто тела своих близких, — и гибли под обрушивающимися конструкциями, уцелевшими, стоящими после взрыва, но державшимися, что называется, «на соплях». Власти страны оказались готовы к отражению агрессии. А вот к устранению последствий агрессии, мягко говоря, — не очень.

Ко всем прочим бедам, на Кавказе, многие районы которого и так числились живущими при Советской власти лишь номинально, вдруг оказалось множество этой самой властью, да и просто представителями других народов, а то и тейпов, обиженных и угнетаемых. И если в Крыму и на Украине хотя и начали изредка постреливать, но в целом жить там оставалось можно, то Кавказ полыхнул. Откуда только оружие-то взялось?

Откуда — этого, Генка, конечно же не знал. Зато отлично знали в организации «Прометей», чутко направляемой британской SIS, французским Вторым бюро Генштаба и польской «Экспозитурой». Не знал Генка и того, что крымские и украинские схроны так и сгинут в неизвестности или, со временем, будут обнаружены, не дождавшись ожидаемого немецкого вторжения, на которое так рассчитывали западные кукловоды советских националистов. Откуда обычному детдомовцу догадываться о столь высоких материях? Определенно неоткуда.

А вот Валерий Минаевич Бакрадзе, председатель СНК Грузинской ССР, если и не был посвящен во все детали происходящего, то уж всяко знал и понимал многое. А еще он знал Кавказ и народы, его населяющие. Именно по его распоряжению детдомовцев, престарелых и всех прочих, о ком некому будет позаботиться, буде тут воцарится анархия, начали грузить на пароходы и отправлять в Одессу и Севастополь. Так, по мнению Бакрадзе, у них было гораздо больше шансов выжить. И не его вина, что капитан тихоходной, дореволюционной еще постройки посудыны отчего-то решил везти свой живой груз не напрямик через Черное море, а прокрасться вдоль турецкого побережья, а затем, на долготе Севастополя, повернуть строго на север. Как

показала история, пережитрил он и самого себя, и своих пассажиров.

Почему этой злополучной ночью ему, Генке, не спалось. Зачем, вместо того, чтобы ворочаться на койке, он тихонько оделся и вышел на палубу — этого он и сам не знал. Просто отчего-то захотелось оказаться снаружи, на свежем воздухе, полюбоваться звездами. А полюбовался тенью, из ниоткуда рухнувшей на корабль из поднебесья. Потом был ужасный взрыв, подбросивший Генку вверх, перевернувший несколько раз в воздухе, да и приложивший о воду плашмя.

— Дальше я ничего не помню, товарищ оберлейтенант, — закончил свое повествование Кудрин. — Даже как вы меня на берегу из фляжки поили, не помню, мне об этом уже тут Курт рассказал.

— Понятно, — кивнул фон Берне. — Ну что ж, поправляйтесь, Гейнц. Если у вас больше нет вопросов, то я пойду. Дела.

— Вообще-то есть один вопрос.

Парнишка смешно сморщил нос, задумавшись, стоит ли отвлекать таким пустяком немецкого красного командира (ладно, пусть не красного, но все же), и решив, что надолго его не задержит, спросил:

— А почему меня тут все называют Гейнц Гудериан, а не Гена Кудрин? У меня имя сложное,

да?

Герзе, штаб I-го батальона 100-го горного полка

12 марта 1940 года, 09 часов 40 минут.

— Дитер, ты вот хочешь мне сказать, что я теперь должен переделать и приказ о постановке мальчика на довольствие, и выписанный на него аусвайс? — майор Макс-Гюнтер Шранк смотрел на командира второй роты с явным неудовольствием. — Ты, вообще-то, не мог раньше сообщить, что этого мальчика зовут Gena Kudrin? И не надо на меня так глядеть, оберлейтенант. Я уже доклад о спасении одного человека и гибели прочих пассажиров парохода «Черноморец» в штаб полка отправил.

Майор фыркнул и придвинул к фон Берне какой-то листок.

— На, полюбуйся, что они мне в ответ прислали.

Дитер взял в руки бумагу, оказавшуюся расшифровкой радиограммы, прочитал текст и хмыкнул.

I/GJR100. Шранку.

(курсив) По данным ОКХ командующий XIX моторизованным корпусом, генерал танковых войск Гудериан, в настоящий момент находится в районе г. Валендорф. Подтвердите факт спасения генерала танковых войск Гейнца Гудериана с советского парохода «Черноморец».

Эрнст.

— Я бы на месте герра оберста тоже удивился. Понимаю, если Шеленберг какой-нибудь у нас объявился бы — может, он по делам РСХА⁴ в Советы мотался? А вот бывший генерал-инспектор танковых войск... — Дитер насмешливо фыркнул. — Могу представить, какой сейчас обмен радиограммами между штабами идет.

— Всё б тебе зубы скалить, — проворчал майор. — А мне на вот это, — он раздраженно потряс текстом радиограммы в воздухе, — еще ответ давать какой-то. И правду говорить нельзя — сожрут.

Бухарест, штаб 100-го горного полка

⁴ РСХА — Главное управление имперской безопасности, одно из 12 управлений СС, орган разведки, контрразведки и политического сыска Германии.

12 марта 1940 года, 10 часов 23 минуты.

Ветеран «Пивного путча», оберст Рихард Эрнст уже несколько минут молча взирал на переданную из находящегося в Турции первого батальона радиограмму. Он смотрел на листок бумаги в своих руках, и, чем дальше, тем больше, ситуация казалась ему все более бредовой.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он наконец и отложил сообщение на столешницу. — Кто мне может объяснить, что это все значит?

GJR100. Эрнсту.

Спасение Гейнца Гудериана с советского парохода «Черноморец» подтверждаю. Спасение генерала танковых войск — не подтверждаю.

Шранк.

Кызыл (столица Тыва Арат Республик), Великий Хурал

12 марта 1940 года, 10 часов 30 минут (время московское).

— Прошу вести себя потише, товарищи, — Хертек Амырбитовна Анчимаа, первая в мире

женщина — глава парламента, позвонила в колокольчик, призывая к порядку депутатов десятого съезда Великого Хурала Тувинской Народной Республики. — Все мы любим и ценим нашего дорогого и уважаемого товарища Чимба.

Хертек Амырбитовна вежливо улыбнулась вернувшемуся уже с трибуны на свое место в президиуме Председателю Совета министров.

— Все мы знаем, как зажигательно он может говорить, и я не удивляюсь вашей реакции. Но, товарищи, пора уже взять себя в руки и вести себя так, как подобает настоящим коммунистам. Говорить поменьше, делать побольше. Все успокоились? Слово предоставляется первому секретарю ЦК Тувинской Народно-революционной партии товарищу Тока. Прошу вас, Салчак Калбакхорекович, — основоположнику тувинской советской литературы, приглашая его на трибуну, товарищ Анчимаа улыбнулась гораздо более искренне. Трудно улыбаться кисло собственному жениху, да и не надо, наверное. О том, что Тока к ней посватался, в Туве не знает разве что глухой.

Салчак Тока улыбнулся в ответ столь же тепло и стремительным шагом проследовал на трибуну.

— Товарищи! Как уже сегодня не раз повторялось, недавно английские и французские капиталисты развязали кровавую агрессию против

Союза Советских Социалистических республик. Станем ли мы, тувинцы, безучастно смотреть на то, как проливается кровь наших братьев-пролетариев в СССР? Нет! Нет, категорично заявляем мы! Наша Республика не должна и не может остаться в стороне от беды своего могучего северного соседа, мы не можем и не должны попустительствовать империалистической агрессии! Наш народ ждет от Партии, Правительства и Хурала решительных и резких действий! Но чем наша страна может помочь Советскому Союзу, спросите вы? Что ж, на этот вопрос у меня есть ответ...

Из Декларации X съезда Великого Хурала «Об объявлении Тувинской Народной Республикой войны республике Франция и королевству Великобритания» от 12. 03. 1940 г.

Тувинский народ, во главе со всей революционной партией и правительством, не щадя жизни готов всеми силами и средствами участвовать в борьбе Советского Союза против империалистических агрессоров до окончательной победы над ними.

**Герзе, штаб I-го батальона 100-го
горного полка**

12 марта 1940 года, 12 часов 00 минут.

— Господа, — Макс-Гюнтер Шранк обвел тяжелым взглядом командиров рот и начальника штаба, — как вам известно, восьмого числа сего месяца в войну против Франции и Великобритании вступило Королевство Румыния. Шестой армейский корпус уже начал передислокацию в западные районы Республики Турция, — майор кивнул астемену Шафраку Агюлу, отвечавшему за взаимодействие немецких горных стрелков с местным командованием, — для укрепления тамошней обороны. После неудачи при обороне Киликийских ворот турецкое командование концентрирует силы у городов Кочхисар и Джихайбейли, дабы не пропустить Вейгана и О'Коннора к столице, и у Афьон-Кархисар, где англо-французские силы также пытаются продолжить наступление. Учитывая сложность обстановки, Кароль Второй принял решение укрепить турецкие силы в Причерноморье, для чего из Констанцы в Самсун перебрасывается 16-я пехотная дивизия. За взаимодействие с нами от румынской стороны отвечает локотенант супрем Флорин Матей, прошу любить и жаловать.

Шранк указал на скромно примостившегося в уголке молодого мужчину в закрытом полевом кителе британского образца с нашивками артиллериста и пилотке.

— Также сейчас к отправке в центральную

Турцию готовится девяносто пятая танкобригада РККА, — продолжил майор. — Развертывание сил Румынии и СССР в этом районе предполагается закончить до двадцать третьего марта, в связи с чем нами получен приказ подготовиться к выдвигению в район Лядик-Османджик для установления контроля над перевалами. Срок на подготовку — два дня. Вопросы?

«Опять переезд, опять метания», — вздохнул фон Берне.

Одесса, ул. Балковская

12 марта 1940 года, 12 часов 45 минут.

— Тетя Сима, тетя Сима, я вам говорю, чтоб вы меня так слышали, как я думаю! Шо ви стоите как Муссолине, увидав английские танки у Тобрука? Таки шо — ви увидали английские танки? Плюньте. Я вам говорю — плюньте и разотрите, это уже не английские, а давно наши. Ой, ви меня удивляете! Если ви покупали эту блузку, шо сейчас на вас як седло на корове, в Харькове, она принадлежит всему Харькову? Да весь Харьков ее даже на посморкаться не порвет! А ентих Мешков и Моталок ⁵ товарищи Ванников и Микоян

⁵ «Мешок» — танки Vickers Cruiser, Mark I и Cruiser, Mark II. «Моталка» — танк Vickers Mk I, Matilda. В реальной

прикупили, на минуточку, еще до войны, по сходной цене. Я говорю — по сходной, потому что торговались, как на Привозе. Тетя Сима, да отойдите вы уже от дороги, я умоляю! Вам мой Моня ноги задавит. Моня! Мо-о-оня! Тьфу, черт проклятущий, ну что ему стоит услышать маму в этой консервной банке! Шо? Тетя Сима, вы шо такое говорите? За такую броню, да моего Монечку? Как я ему буду давать горячее? Шо? Люк? Ай, да пока от башни дойдет до водителя, там останутся одни косточки да огрызочки. Моня-а-а-а. Стой свой танк! Стой свой танк я сказала, не смей ехать на твою мать! Товарищ комиссар, не смейте дергать кастрюлю из рук, а меня с дороги тем более. Мой сыночка не поедет на войну голодным! Моня, да вылезти ты, мама просит! Товарищ лейтенант, от вас я доверяю, от видно шо настоящий красный командир. Солдатики, помогите маме кастрюльку для сына передать. Он у там, внутри сидеть, он впереди вас поедет, ему може чужая бомба раньше вас достанется... Ой, тетя Сима, шо ж це деится, а? Монечка, сыночка мой, и воевать? Он же всю жизнь мечтал играть на скрипке, а потом ее разбить о голову Льва

истории СССР не закупались и, соответственно, не имели жаргонных обозначений, являющихся плодом фантазии автора.

Аркадьевича, чтоб ему за те уроки музыки моя оплата икалась...

Девяносто пятая бригада легких танков РККА двигалась на погрузку в порт.

Берлин, ОКХ

12 марта 1940 года, 13 часов 07 минут.

Шеф ОКХ⁶ Вальтер фон Браухич взял в руки радиограмму из 19-го моторизованного корпуса и вгляделся в текст.

ОКН. Браухичу.

Свое нахождение в Валендорфе подтверждаю.

PzKorпXIX. Гудериан.

— Черти б меня взяли, если я понимаю хоть что-нибудь, — пробормотал он и перевел взгляд на другую радиограмму.

ОКН. Браухичу.

Спасение Гейнца Гудериана с советского парохода «Черноморец» подтверждаю. Спасение генерала танковых войск — не подтверждаю.

⁶ ОКХ — верховное командование сухопутными войсками Германии.

1. GebDiv/GJR100. Эрнст.

— Интересно, откуда в Турции взялся еще один Гудериан? — генерал-полковник в задумчивости постучал пальцами по крышке стола. — Дело пахнет... Просто пахнет.

Рим, Палаццо дель Квиринале

12 марта 1940 года, 17 часов 20 минут.

— И вы считаете, что не поторопились, Бенито? — Король Италии и Албании, Император Абиссинии, Виктор Эммануил Третий поглядел на премьер-министра с неприкрытым скептицизмом.

— Должен признать, Ваше Величество, что наше поспешное одобрение действий Гитлера и вступление в войну на германо-советской стороне были несколько... скороспелыми, — нехотя признал Бенито Амилькаре Андреа Муссолини. Не то, чтобы всеильный диктатор обязан был отчитываться перед стариком-королем, но некоторые политесы относительно венценосной особы, некогда принявшей самое деятельное участие в его возвышении, старался соблюдать. — Никто не ожидал от Александера такой прыти. Ни я, ни наш Генеральный штаб.

— Ну еще бы, — Их Величество соизволили кисло усмехнуться. — Такой конфуз. Объявить войну французам и англичанам утром десятого, для того чтобы вечером одиннадцатого увидеть у Тобрука вражеские танки. Просто гениальный ход, синьор премьер-министр.

— Это только доказывает, что Чемберлен и Даладье готовились к войне и с нами тоже, — ответил дуче. — А иначе что делать Седьмой танковой дивизии посреди пустыни, в суточном переходе от Тобрука? Но я уверен, маршал Грациани, его Пятая армия и танковая дивизия «Ариетте» выкинут англичан из Ливии, как нашкодивших щенков. К сожалению, мы не можем усилить его частями из метрополии — нам предстоит сковать как можно больше французских сил на наших границах, — но у него и так предостаточно солдат. Десятой же армии Гарибольди предстоит дать пинка французам в Тунисе.

Виктор Эммануил подошел к висевшей на стене карте мира и начал задумчиво в нее вглядываться.

— Скажите, Бенито, — наконец произнес он, — вы и впрямь рассчитываете, что Гитлер отдаст нам Египет?

— Безусловно. Более того, я убежден, что он окажет нам содействие войсками при нашем

продвижении к Каиру и Александрии. И нам, и ему нужна недавно обнаруженная в Ливии нефть, и, я уверен, он непременно озаботится безопасностью новооткрытых месторождений. С Двадцать пятым корпусом, как я уже говорил, Гарибольди справится своими силами. Что же касается приобретений на материке, то тут многое зависит от успеха нашего наступления на Марсель.

— Как, вы и на Марсель собираетесь наступать? — усмехнулся король. — А как же ваш тщательно лелеемый план по захвату Греции?

— Греция — не корабль, государь. Никуда не уплывет. Мы концентрируем на ее границе группу армий «Албания», под командованием генерала Содду, но сейчас это не первоочередная задача. Проблемой, решение которой, по важности, я почитаю первостатейной нашей задачей, является устранение английского влияния из региона Средиземного моря. Сейчас, когда стало окончательно понятно, что начало активных военных действий между Францией и Германией неизбежно, можно гадать не о результате противостояния этих стран, — как мне стало известно, Сталин направит часть своих войск в поддержку Гитлера, — но лишь о сроках и масштабах этого противостояния. Наш Генеральный штаб предполагает сковывать действия французов в позиционной приграничной

войне до тех пор, пока вермахт не добьется решительных успехов. Видя нашу пассивность, Гамелен наверняка снимет наиболее боеспособные части с границы, чтобы залатать дыры в обороне, после чего мы нанесем сокрушительный удар по оставшимся французам и захватим Прованс! Затем, когда Франция падет, совместным наступлением с немцами мы отбросим Александера за Суэц.

— А О'Коннор и Вейган будут на это смотреть и ждать? — поинтересовался Виктор Эммануил.

— Вейган француз, он капитулирует вместе со своей страной. А у англичан сил будет недостаточно даже для того, чтобы удержать уже захваченное. Кроме того, не стоит забывать про Красную Армию. Она, быть может, и слаба, но весьма многочисленна, и ее наступление на Турцию — вопрос времени, причем скорого. Ну, а после падения Египта ничто и никто не сможет помешать нам заняться Грецией.

— Беннито, у вас нет родственников на Корсике? — иронично поинтересовался король.

— Что? — изумился Муссолини.

— Планы, я говорю, наполеоновские. Что ж, посмотрим, как вы их сможете реализовать.

Рим, Супермарина

12 марта 1940 года, 17 часов 50 минут.

Начальник Морского генерального штаба и государственный секретарь по делам флота, адмирал Доменико Каваньяри еще раз перечитал подготовленный им для Дуче меморандум и покачал головой, отгоняя неприятные мысли. Поведение Муссолини он не одобрял и не понимал. В какой вообще стране возможно такое, чтобы командующий ВМФ узнавал о вступлении своей страны в войну одновременно с газетчиками? Конечно, после недавнего визита в Берлин графа Чиано, пришедшегося на момент объявления немцами войны французам и англичанам, можно было ожидать нечто подобное (правда, родственничек основателя фашистского движения, по слухам, был уведомлен Гитлером о выступлении Рейха против Новой Антанты словами: «Вы все прочтаете в сегодняшних вечерних газетах») — Каваньяри и ожидал. Были отменены отпуска и увольнительные, форсированы работы по достройке новых и переоборудованию старых, еще времен Великой Войны, линкоров, высланы к Мальте несколько субмарин, но... всего этого было недостаточно. Из четырех линейных кораблей в строю были лишь «старички» «Джулио Чезаре» и «Конте ди Кавур», еще на двух линкорах, — «Кайо

Дуилио» и «Андреа Дориа», — не успели закончить модернизацию, а новые, современные «Витторио Венето» и «Литторио» ранее середины июля ввести в состав действующего флота также не представлялось возможным. Остальные силы итальянского флота состояли из семи тяжелых и двенадцати легких крейсеров, шестидесяти одного эсминца и миноносца, ста пяти подводных лодок, а также минных заградителей, патрульных судов, торпедных катеров и прочей мелочи. И сил этих явно было недостаточно для того, чтобы бороться с британским или французскими флотами на Средиземном море. О возможности что-то противопоставить объединенным флотам и речи не шло.

Особо угнетало Каваньяри, да и главнокомандующего итальянским флотом, Иниго Кампиони тоже, наличие на Средиземноморье аж двух вражеских авианосцев. Начальник Морского генерального штаба и государственный секретарь по делам флота серьезно сомневался в способности Реджиа Аэронаутика защитить от них его корабли как на базах, так и во время боевых походов.

Взгляд Доменико Каваньяри еще раз пробежался по строчкам подготовленного меморандума.

«...также я полагаю отметить те трудности, которые возникают из-за неудачного

географического положения страны, и невозможность предпринять хоть какие-то внезапные действия, так как война уже идет...

...предполагаю, что Англия и Франция укрепятся на противоположных концах Средиземного моря и будут ждать, пока Италия не истощит свои силы. Они могут, впрочем, принять и более агрессивную стратегию, которая приведет к столкновению флотов, в котором обе стороны понесут большие потери. Если противник выберет первый вариант поведения, итальянские корабли вряд ли смогут предпринять какие-либо агрессивные действия. Что касается подводных сил, то не следует ждать от них больших успехов, так как любое судоходство по Средиземному морю практически прекратится...

...в том же случае, если Англия и Франция решат придерживаться агрессивной тактики, эти державы смогут восполнить свои потери в кораблях даже с избытком, тогда как Италия сделать этого не сможет. Флот, поэтому, будет вынужден занять оборонительную позицию, что не позволит решить ни одну из стратегических задач, которые могли бы привести к поражению морских сил противника...

...в связи с чем я прихожу к заключению, что вступление в войну вообще было для нас нежелательно, но, так как это уже произошло, флот будет придерживаться оборонительной стратегии в

своих действиях...

...причины, которые помешают итальянскому флоту действовать иначе:

а) нехватка самолетов-разведчиков и трудность налаживания сотрудничества с Реджиа Аэронаутика;

б) плохое состояние ПВО военно-морских баз...»

— А не перебарщиваю ли я с формулировкой? — негромко произнес Каваньяри, задумчиво разглядывая заключительные фразы.

Командование, в котором тон задавали Муссолини и армейские офицеры, ничего не понимавшие в морской войне, требовало от Супермарины подвигов и победных реляций.

— Да нет, пожалуй, не только не перебарщиваю, но даже и оптимистичен в своих прогнозах.

Прогноз адмирала, может, и не слишком талантливого, но, безусловно, крепко знающего свое дело, звучал следующим образом: «Какой бы характер ни приняла морская война, потери нашего флота будут значительными. Последующие мирные переговоры Италия завершит не только без всяких территориальных приобретений, но потеряв флот и, возможно, авиацию».

Доменико Каваньяри поставил свою подпись под меморандумом и мрачно усмехнулся.

— Дуче будет в ярости.

Балтийское море, борт линкора «Шарнхорст»

13 марта 1940 года, 10 часов 50 минут.

Студеные воды Балтики вскипали белыми бурунами под острыми форштевнями немецких кораблей, колюче-ледяными брызгами взметались ввысь, заледеневали на палубах судов, заскорузлой коркой застывали на орудийных чехлах, свешивались сосульками с лееров.

Где-то далеко, в Атлантике, германские U-боты вели охоту на транспорты французов и англичан, разворачивал у северных берегов Великобритании смертоносную сеть из субмарин командир Северофлотской бригады подводных лодок, контр-адмирал Виноградов, крались в южные моря вспомогательные крейсера «Виддер», «Комет», «Пингвин», «Тор», «Атлантис», «Орион» и «Корморан», искали врага на бескрайних просторах Тихого океана подводные лодки ТОФ, отправленные на охоту вице-адмиралом Юмашевым. А здесь, на Балтике, в двух часах хода от немецкого флота, гремели залпы и рвались снаряды. «Марат» и «Октябрьская Революция» вели

неравный бой с врагом, и адмирал Бём спешил привести свой флот на подмогу гибнущим советским линкорам.

На охоту за вражеской эскадрой Герман Бём вытащил из портов все, что только мог, включая заслуженных старичков — броненосцы «Шлезииен» и «Шлезвиг-Гольштейн». Увы, седьмого марта, когда противника удалось настичь, море было чересчур беспокойно, и, обменявшись несколькими залпами, не нанесящими сколь либо значительного ущерба ни одному из флотов, стороны потеряли друг друга в наступившей темноте. Дальнейшие поиски врага ничего не дали, и адмирал Бём уже хотел возвращать корабли на базы, однако к вечеру восьмого марта пришла радиограмма с борта U-61, обнаружившей отбившийся от остальных сил британский авианосец «Фуриоус» и сумевшей поразить его одной торпедой, несмотря на предшествующую этому событию гибель большинства офицеров субмарины. Немецкий флот ринулся в указанный квадрат... и снова никого не нашел. В установившемся после бури густом тумане англо-французские корабли превратились в неуловимые фантомы, проскользнув под носом Кригсмарине, словно вода между пальцев.

Уже одиннадцатого стало известно, что караван Новой Антанты прибыл в Турку и начал разгрузку. Охота на британский авианосец

продолжалась, однако обнаружить его удалось опять-таки не Бёму, а советскому МБР-2, вылетевшего с Моонзунда на разведку. И Бём, и Трибуц немедленно направили свои силы в сторону Аландских островов, на перехват.

Первыми англичанина вместе с тремя эсминцами его эскорта настигли русские. Казалось бы, «Фуриоус», поврежденный, неспособный выпустить самолеты из-за сильного дифферента на нос, обречен. Но удача в этот день улыбнулась команде авианосца — вначале со стороны Аландских островов появились финские броненосцы «Вяйнаминен» и «Ильмаринен», завязавшие отчаянный бой с «Октябриной» и «Маратом», а затем на горизонте появились и основные силы англо-французского флота. Два старичка-линкора, легкий крейсер «Киров», лидеры «Минск», «Ленинград», эсминцы «Карл Маркс», «Ленин», «Володарский», «Яков Свердлов», «Энгельс», «Артем» и «Калинин» мало что могли противопоставить английским и французским кораблям. Легкие крейсера «Глуар», «Марсейез», «Дюге-Труэн», «Леандр», «Перт», «Сидней», «Галатейя», «Саутгемптон», «Эдинбург», линейный монитор «Эребус», линкор «Нельсон», линейные крейсера «Реноун», «Дюкень», «Кольбер» и целая куча лидеров и эсминцев достаточно быстро могли превратить Балтийский флот СССР в сплошные

воспоминания. Что самое печальное — «Марат» и «Октябрьская Революция» даже удрать не могли. Линкор «Нельсон» превосходил оба корабля не только в мощи залпа, но и в скорости, а вице-адмирал Трибуц понятия не имел о близости немецкого флота. И внимательно следивший за переговорами между советскими кораблями Бём решил нарушить радиомолчание, отправив на «Марат» одно коротенькое сообщение.

Нахожусь в двух часах хода от вас. Держитесь.

Бём.

Немцу очень не хотелось растягивать порядки, но скорость эскадры — это скорость самого медленного из ее кораблей, и равняться в своем ходе на воевавшие еще в Великую Войну броненосцы означало отдать русских на растерзание. А в эскадренном бою иметь на своей стороне два линкора и не иметь на своей стороне два линкора в сумме давало четыре линкора. Однако русских Бём недооценил. Владимир Филиппович Трибуц предложил свой план сражения — безумный, самоубийственный, но единственно верный. Минуту назад с советского флагмана пришла радиограмма.

Обойдите противника с норда. Мы их покуда

отвлечем.

Трибуц.

Герман Бём в задумчивости передал сообщение Цилиаксу.⁷

— Это же самоубийство с их стороны! — воскликнул тот.

— И единственная возможность отрезать врага от порта, и навязать эскадренный бой основным силам неприятеля, — сухо ответил адмирал. — Поступим по совету нашего советского камрада.

Бём помолчал и с горечью добавил:

— Вечная память героям.

А утром следующего дня вся Страна Советов слушала Левитана.

От Советского Информбюро.

Вчера, тринадцатого марта тысяча девятьсот сорокового года, в районе Аландских островов Балтийский Флот Союза Советских Социалистических республик, при поддержке сил германского флота, перехватил и на голову разгромил объединенную эскадру империалистических Англии, Франции и Финляндии.

В результате боя были уничтожены линейный

⁷ Цилиакс Отто, капитан цур зее, командир «Шарнхорста».

монитор «Эребус», линейный крейсер «Реноун», броненосец «Ильмаринен», крейсера «Леандр», «Галатея», «Саутгемптон», «Эдинбург», а также девять эскадренных миноносцев противника. Серьезные повреждения были нанесены авианосцу «Фуриоус» и линейному кораблю «Нельсон». Остальные силы противника трусливо бежали с места боя!

Советский флот в этом сражении потерял всего один корабль. Моряки-краснофлотцы одержали славную и убедительную победу над капиталистическими агрессорами!

И ни единым словом не обмолвился товарищ Левитан о том, что немцам этот бой стоил «Дойчланда», «Хиппера», «Эмдена», «Лейпцига» и восьми эскадренных миноносцев. Не упомянул он и о том, что «Марат» едва не затонул у самого Таллина, и представлял ныне большой интерес для сталелитейной промышленности, чем для судоремонтной, как и о том, что погибший советский корабль носил имя «Октябрьская Революция» и был линкором.

Вице-адмиралу Владимиру Филипповичу Трибуцу за этот бой было присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно.

**Герзе, лазарет I-го батальона 100-го
горного полка**

13 марта 1940 года, 17 часов 46 минут.

Осматривающий Кудрина штабсартц Рот был, судя по всему, в прекрасном расположении духа, он даже напевал что-то себе под нос. Генка напряг слух, чтобы разобрать, что мурлычет этот высокий мужчина в белом халате поверх формы, и с трудом разобрал:

Es steht ein kleines, kleines Edelweiss
auf einer steilen, steilen Felsenhoh!
Umgeben ist's von Schnee, ja Schnee und Eis,
das kleine Edel, Edelweiss.⁸

Закончив считать пульс, доктор поводит молоточком перед лицом пациента и начал писать что-то в карте больного, продолжая мурлыкать:

Ich grusse dich, mein Schatz, vergiss mich nicht,
mein Schatz,
von einer steilen, steilen Felsenhoh, ja, Hoh!
Wo rauh der Bergwind weht, ein kleines
Blumlein steht,
das kleine Edel, Edel, Edelweiss.

⁸ Marsch der Gebirgsjager (Марш горных стрелков).

Присутствовавшие в палате фон Берне и еще один офицер, постарше, незнакомый Генке, но, видимо, самый тут главный, настроение штабсартца не разделяли, хотя и особо мрачными их назвать тоже вряд ли было можно.

— Ну что там, Берко? — не выдержал наконец Дитер. Генка, конечно, не понимал, о чем идет речь, хотя некоторые немецкие слова уже выучил, да и в школе именно этот язык изучал.

— Wir stehen auch auf vieser Felsenhoh... Что? — оторвался от записей Рот. — Нормально все, завтра выпишу.

— Попробовал бы ты не выписать, — мрачно заметил майор Шранк. — Послезавтра начинаем выдвижение, а тебе еще и свернуть лазарет надо.

— Было б что сворачивать, я его и развернуть полностью-то не успел, — отмахнулся штабсартц. — Почти все как стояло упакованное, так и стоит.

— Вы поглядите, наш костоправ жалуется на отсутствие работы, — заулыбался фон Берне. — Рот, у тебя пора изымать спирт. Delirium tremens⁹ налицо.

— А я тебе клистир поставлю, паршивец ты

⁹ Delirium tremens — белая горячка. (лат.)

эдакий, — ласково пообещал медик и, уже серьезно, добавил: — И не жалуясь я, а радуюсь, Димо. Последним спокойным денькам радуюсь. Скоро пойдет поток раненых турков с юга, а они у нас вроде как союзники. Придется их штопать, лечить, ночами не спать... Ну и прочие прелести полевого госпиталя, в виде специфических запахов и сдачи покойников похоронным командам тоже ожидаются. Это уже не говоря про всяких беженцев с дизентерией и иными похабными хворями. Ты бы, чем разевать роток на казенный спирт, лучше озаботился снабдить мальчика одежкой. Его собственная восстановлению не подлежит.

— Сделай ей операцию, — буркнул Дитер.

— Да, с одеждой надо что-то решать, — почесал в затылке Шранк. — Не отправлять же нашего генерала танковойск голышом.

— И куда ты собрался его отправлять? — криво усмехнулся медик. — К туркам? Так им, поверь, будет не до него — беженцев здесь, на севере, прибывает ежедневно. Лучше сразу пристрели пацана, чтоб не мучился.

— Вообще-то он гражданин СССР, — нахмурился майор.

— Не вижу в гавани череды кораблей, желающих отправиться в Советскую Россию, — парировал штабсартц.

— Сдадим в советское посольство, — пожал

плечами фон Берне.

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь? — майор выглядел все более и более озабоченным. — Анкара со дня на день падет, да и мы от нее будем далековато. Однако проблема. Не бросать же, действительно, белого мальчишку среди этих азиатов...

— А куда его девать, герр майор? — Дитер подозрительно покосился на командира.

— Ты все правильно понял, оберлейтенант, — кивнул тот. — Забирай парня в свою роту, пускай помогает по хозяйству.

— А почему ко мне, а не к полевой кухне, например? — возмутился фон Берне, которому такое «счастье» даром было не нужно.

— Потому что на кухне никто русского не знает. Как и в лазарете, — отрезал Шранк. — А у тебя Стетоскоп есть. И вообще, мы в ответе за тех, кого приручили.

— Использовать в качестве аргумента слова неприятеля... — пробурчал командир второй роты, уже понимая, что избавиться от Генки не удастся.

— У врага тоже не грех поучиться, — авторитетно заметил майор. — И вообще, это приказ. Завтра пускай твой Бюндель отведет мальчика на склад и поможет перешить форму под его рост. Парень тощенький, но длинный, что-нибудь Зюсс для него найдет.

Рот чуть заметно улыбнулся. Хайнрих, его младший брат, был в том же возрасте, что и этот русский мальчик. Кто знает, как повернется война? Может, и о малыше Хайнцеде кто-нибудь так же позаботится, если что?

Герзе, склад амуниции I-го батальона 100-го горного полка

14 марта 1940 года, 09 часов 12 минут.

— А, явились, разорители, — добродушно усмехнулся интендант Конрад Зюсс вошедшим Бюнделю и облаченному в больничную пижаму (явно слишком большую для него) Кудрину.

Несмотря на свою явно еврейскую фамилию, засвеченную даже в недавнем фильме студии UFA, ¹⁰ интендант был настоящей белокурой бестией: светловолосый, сероглазый, ладно сложенный, подтянутый... Только вот ростом не удался. Изрядно не удался, надо сказать — был он всего на полголовы выше Генки.

¹⁰ «Еврей Зюсс» — немецкий фильм 1940 года выпуска по одноименному роману Вильгельма Гауфа. Режиссер Файт Харлан.

— Ну-с, — Зюсс поднялся из-за конторки, — что ж мы тут имеем?

Он смерил Генку задумчивым взглядом.

— Сложно будет. Себе-то я форму на заказ шью... Бюндель, ведите вашего подопечного в каптерку, попробуем что-то подобрать.

Оберягер поморщился. Раздосадованный свалившийся заботой — когда можно будет передать парня советским танкистам, да и удастся ли это вообще, было неизвестно, — фон Берне перепоручил паренька именно ему, с наказом выучить Генку говорить по-немецки в кратчайшие сроки. Но сначала — обмундировать.

Первым делом интендант озаботился Генкиной обувью.

— Нога... Нога хорошая, — задумчиво пробормотал он. — Вырастет и будет, как говорил один мой советский коллега, *sorok p'atiy, rastoptatiy, na bosu nogu fig nalezet...*

Кудрин от удивления выпучил глаза и тут же получил на примерку носки и горные ботинки.

— Пускай меряет, — скомандовал Зюсс Бюнделю и полез куда-то на верхние полки. — А я пока поищу форму для таких кабыздохов, как мы с этим мальчиком. Где-то было, где-то было...

Зюсс, в отличие от большинства невысоких людей, комплексом Наполеона не страдал (и не наслаждался им тоже). К доставшемуся ему от Бога

росту он относился со здоровой самоиронией, развившейся за прожитые годы в отменное чувство юмора.

— Так, это не то... Это тоже не то... А это откуда, интересно? Вот! Нашел! Держите, оберягер, — интендант вручил Курту какой-то тюк и начал спускаться. — Как ботинки? Подошли?

— Как на него шили, — совершенно искренне ответил Бюндель. Ботинки и впрямь сидели на ноге как влитые.

— С таким глазомером стоило идти в снайпера, — хмыкнул Зюсс, забирая тюк обратно и вываливая из него вещи на стол. — Жаль, что когда я стреляю, опасность грозит кому угодно, кроме врага.

В течение четверти часа Генка стал счастливым обладателем двух комплектов униформы, нескольких — как-то не додумался он посчитать, скольких именно, — комплектов белья, форменного кепи с альпинистскими очками, егерской куртки, ранца, лопаты, ножа, каски, альпенштока, фляги, ремня с портупеей и кучи разной полезной мелочи.

— Ну-с, вроде все, — Зюсс внимательно осмотрел выданное. — Кажется, ничего не забыли. Вот, пускай распишется за получение.

Бюндель подвинул накладную к Генке:

— Подписывай, парень, — сказал он.

— А... что писать-то?

— Как что? Имя и фамилию — Гейнц Гудериан.

Северная Турция, дорога между рекой Кызылырман и городом Чельтек

15 марта 1940 года, 19 часов 01 минута.

Пара турецких PZL P.24С сделала левый поворот и направилась на юго-запад, вдоль русла Кызылырмана. Генка проводил аэропланы тоскливым взглядом и, тяжело вздохнув, пробормотал под нос:

Дивлюсь я на небо, та й думку гадаю,
Чому я не сокіл, чому не літаю...¹¹

— Что? — спросил шедший рядом Курт. — Я не понял.

— Это не по-русски, это по-украински, — отозвался парень. — Стихи.

— Да? И о чем?

— О том, что людям летать хочется, —

¹¹ Стихи М. Н. Петренко.

вздохнул Гена.

— Это правда, — согласился Бюндель. — Я не прочь летать. Или хотя бы ездить, потому что ноги уже отваливаются.

Генка снова вздохнул. Хотя половину сегодняшнего марша он и проделал в телеге, но тоже сильно устал.

Нет, жаловаться на жизнь он не собирался. С чего бы жаловаться-то? Подобрали, выходили, кормят от пуза, одежду, вон, новую дали. Да какую! Ребята из интерната удавились бы от зависти — настоящая военная форма, с всамделишными нашивками и значками, каска военная, ранец, а обувь такая, что ему и не снилась раньше: прочная, удобная и красивая. Ну, сказали, что будет по хозяйству помогать, так он, Генка не барчук какой, нахлебником быть не привык. Ребята в роте веселые, он их уже немного понимает. Подшучивают над ним, конечно, смеются, когда он по-немецки пытается говорить, но все это без злобы, без раздражения. Прямо как будто старшие братья. Целая рота старших братьев, ага.

В казарме их и впрямь встретили весело, с хохмочками и улюлюканьем.

— Герр Стетоскоп, вас назначили нянькой?

— У-у-у, братцы, пополнение прибыло. Зверь! Теперь точно англичан и французов разобьем!

— Господа, есть предложение назначить

новичка пулеметчиком.

— Что, пулеметчиком? Такой богатырь целую горную пушку утащит без проблем!

— Все б вам зубы скалить, козлы горные, — прервал бурю эмоций оберфельдфебель Рольф Фишер, выразительно нахмутив косматые брови. — Пока мы его русским вернуть не сможем, он считается полноценным бойцом Вермахта, и спрос с него будет такой же, что и с вас.

— Что, и по физподготовке тоже? — изумился фельдфебель Шварц и с озабоченным выражением лица потрогал лоб товарища ладонью. — Так и есть, горячечный бред.

— Физподготовка это дело наживное, а вот форма у бойца должна быть в порядке! — отрезал оберфельдфебель. — Всё в человеке должно быть прекрасно, особенно подворотничок, состояние вверенной амуниции и строевой шаг. Взвод, слушай мою команду! Привести кандидата в егеря Гудериана в надлежащий вид и рассказать смысл основных команд! Срок исполнения — до обеда. Потому что после обеда у нас ревизия того, что мы забыли в казармах, с последующей загрузкой забытого в гужевой транспорт. Приступать.

— Яволь! — с хохотом отозвались несколько бойцов.

Несмотря на грозный внешний вид, характеризующий лучше всего словосочетанием

«русский медведь» (то, что медведь был вполне немецким, на ассоциацию отчего-то ни у кого и никогда не влияло), Фишер был человеком добрейшей души, что подчиненные давно знали. Противоречить, или, не дай бог, не выполнить его распоряжение, правда, давно уже никто не пытался, поскольку от расстройства тот мог и стукнуть несильно... по его меркам, однако ж и заботился о егерях своего взвода он словно отец родной. Так что грозный рык «Папаши Браунбёра», от которого так оробел Генка, никого не обманул. С шуточками, прибаутками и применением всех известных русских слов парню помогли подогнать форму по фигуре, подтянуть всё что надо и подшить то, что необходимо. К обеду совместными усилиями Кудрин выглядел как эталон бойца дивизии «Эдельвейс», только шибко уж некрупный.

Как и обещал Фишер, после сытного обеда и до самого ужина весь батальон занимался тем, что таскал круглое и катал квадратное — сколь ни маленьким было такое подразделение, как батальон, имущества даже у него оказалось неожиданно много, и все его при смене места дислокации следовало либо сломать, либо потерять. Исключительно для того, чтобы добрейший герр Зюсс мог проявить чудеса изворотливости, его списывая.

Выдвижение на Чельтек начали утром

следующего дня, сразу после завтрака. Двигались не особо спешно, поскольку дороги были забиты движущимися туда же турецкими и начавшими прибывать румынскими солдатами из 16-й пехотной дивизии. Кроме того, фраза про отсутствие дорог и наличие направлений, как выяснилось, применима не только к СССР, но и к Турции, причем ничуть не в меньшей степени.

В место назначения егеря прибыли уже затемно.

Чельтек, временный штаб округа

16 марта 1940 года, 08 часов 10 минут.

— С сожалением сообщаю вам, господа, о полном разгроме наших войск под Анкарой, — произнес полковник Февси, исполняющий обязанности начальника военного округа. — Вчера, в одиннадцать часов ночи, остатки Стамбульского резервного корпуса, 202-го тяжелого артиллерийского полка 12-й, 17-й пехотной и Люлебургазской мотомеханизированной дивизий капитулировали под Кулу. Противнику открыта дорога на столицу.

Большая часть присутствующих на совещании офицеров — и турецких, и румынских, и немецких

— была уже в курсе сего прискорбного события. Однако надежда, в данном случае — надежда на ошибку штабистов и связистов, умирает последней, причем страшной и мучительной смертью.

Некоторое время в кабинете стояла мертвая тишина.

— Но, господа, надо что-то делать, — наконец высказался локотенант супрем Флорин Матей.

Спорить с румынским старлеем никто не стал, потому как, с одной стороны, делать что-то и впрямь надо, а с другой — совершенно непонятно, что.

— Наше выдвижение под Анкару теряет всякий смысл, — негромко заметил майор Шранк. — Имеющиеся у нас силы не тянут даже на полноценную дивизию. При всем моем уважении к личным достоинствам полковника Февси, его резервистов разгонят в первом же бою. Нет тяжелых вооружений, личный состав не обучен... Нет, господа, я не сомневаюсь в личном мужестве турецкого ополчения, но этого для победы в современной войне недостаточно. Тяжелое вооружение Шестнадцатой пехотной дивизии, как и большая часть личного состава, также еще не прибыли. С учетом полного контроля Новой Антантой Анатолийского плоскогорья, доставка сил союзников по морю будет чересчур опасна. Транспортные корабли уязвимы к авианалетам, а

советский Черноморский флот и флот Республики Турция не в состоянии прикрыть большие массы транспортов зенитным огнем. Вывод однозначен — необходимо налаживать оборону перевалов.

— Мы сможем прикрыть высадку как румын, так и советских танков, — пренебрежительно произнес незнакомый Шранку майор в форме турецких авиаторов.

Сидевший рядом с ним капитан в форме ВВС Югославии согласно кивнул:

— Сейчас на ближневосточный ТВД перебрасываются большие массы авиации. Нет никаких сомнений в том, что воздушное господство франко-английской авиации будет утрачено в ближайшие дни.

— Вы, господа, как хотите, а у меня приказ занять один конкретно взятый перевал, — майор Шранк нахмурился. Труса праздновать не хотелось, а лезть в наступление было безумием. — Его я исполню. И удерживать перевал буду до последнего солдата. Насчет всего остального — увольте. Самоубийц выпускают из других учебных заведений.

Французская авиабаза «Раяк» (Сирия)

16 марта 1940 года, 08 часов 15 минут.

— Стойте! Да держите же вы его! Гастингс, успокойтесь! Дайте ему в морду, господа! Да что такое?! Дайте еще раз!

Подполковник Джонсен вырвал из рук капитана и револьвер, и телеграмму.

— Что вы задумали, молодой человек? Какое вы имеете право, во время войны!..

— Прочтите! — выкрикнул его визави.

Подполковник поднес бумагу к глазам и смертельно побледнел.

Дорогой сын.

Никогда не думал, что ты, выбрав карьеру военного, станешь героем потопления судна с детьми из советского интерната, о чем нынче голосят все мировые радиостанции. Я в тебе крайне разочарован.

Искренне любящий тебя, твой отец.

— Всем покинуть помещение, кроме Гастингса!

Джонсен прикрыл глаза.

— Вы же не были виноваты... вы не знали... — прошептал он, возвращая револьвер, и вышел. Миг спустя в комнате раздался выстрел.

Лондон, Воксхолл-кросс, 85

16 марта 1940 года, 12 часов 00 минут.

«Бомммм... Бомммм...», — начали отбивать полдень старые напольные часы, свидетели блистательного правления королевы Виктории.

Глава Секретной разведывательной службы, Стюарт Мензис, устало потер глаза и откинулся на спинку кресла. Сложившаяся ситуация не радовала.

Как, казалось бы, все шло хорошо. Дипломаты торжествующе рапортовали об успешно идущих переговорах с Гитлером, о том, что этот выскочка собирается воевать за интересы Великобритании, как, впрочем, и Польша с Францией, шла активная засылка агентуры и поставка оружия на территорию СССР, японцы уже готовы были вновь пощупать подбрюшье влезшей в войну с финнами советской державы, к чему их усиленно подталкивали тупоголовые янки... А повернулось вон оно как: Турция до сих пор не разгромлена, хотя столица ее и взята, и, более того, там уже несколько часов как действует правительство заранее подготовленных марионеток... Что уж говорить об остальном?

И ведь ясно теперь, что Гитлер заранее готовился воевать не с Советским Союзом, а профукали — да что там, просрали! — его подготовку к войне. Откуда, спрашивается, на коммуникациях Атлантического океана взяли все

эти немецкие подводные лодки? Чья недоработка? Ваша, мистер Мензис. Почему турки, если и не знали, то точно догадывались о том, что их поддержат и Италия, и Германия, и вся Балканская шелупонь, кроме Греции, а SIS об этом ни сном ни духом? Чья недоработка? Ваша, мистер Мензис. И наконец...

Стюарт Мензис взял распечатку нескольких перехваченных MI8¹² радиogramм германских штабов.

И наконец, что делает в Турции командир XIX-го корпуса Вермахта, Гудериан? Означает ли это, что Гитлер не повторит «План Шлиффена», а твердо решил разобраться сначала с ближневосточными делами? И, если да, то каковы будут его взаимоотношения со Сталиным? А если нет? Что же все это означает? Что?

Окрестности города Мерзифон (Турция)

19 марта 1940 года, 10 часов 12 минут.

В тридцати семи километрах к западу от

¹² MI8 — отдел радиоперехвата и радиоборьбы британской Секретной разведывательной службы.

Амасья, древней столицы Понтийского царства, находится город Мерзифон, родина Святой Варвары Илиопольской. Когда-то он знал куда как лучшие времена. В начале XX века этот греко-армяно-турецкий город насчитывал 20 000 жителей из которых 12 000 были греками, однако во время Великой Войны турки изрядно проредили немусульманское население в своей стране, а после греко-турецкой войны оставшимся в этих краях потомкам эллинов пришлось поспешно уносить ноги. Город пришел в упадок, однако по прежнему находился на стратегически важном пересечении дорог, а оттого нуждался в обороне.

На защиту рожденной здесь святой, защитницы от внезапной смерти майор Макс-Гюнтер Шранк правда, не особо надеялся, больше полагаясь на маскировку, наблюдателей и зенитные расчеты, на исторические же достопримечательности ему нынче и вовсе было глубоко наплевать. Что его и впрямь сейчас интересовало, так это как, при отсутствии должного количества мин, взрывчатки, горной техники и рабочих укрепить эту чертову дорогу, и сможет ли он в таких эрзац-укреплениях продержаться до подхода советских танков. Положительный ответ на второй вопрос вызывал серьезные сомнения. Идиот Февси на военном совете все же настоял на наступлении в сторону турецкой столицы, хотя

большинство офицеров сильно сомневались в его целесообразности. Вот кто ни в чем не сомневался, так это румыны, хотя Шранк никак не мог понять причину такой их самоуверенности. Насколько помнил герр майор, самостоятельно румыны побед не одерживали со времен этого их князя... про которого еще писал тот ирландец, Стокер... и кино про него еще в 31-м снимали... Дракула! Короче говоря, самостоятельно не побеждали румыны в сражениях ну *очень* давно. А с учетом того, что тот самый Дракула и в истории, и в книге, и в фильме кончил плохо, Шранк на месте румын поостерегся бы полагаться на такого предка в своих чаяньях победы.

Однако куда там! Рванули вперед так, что аж пятки засверкали, и пыль стояла над дорогой столбом — ни русских не дождались, ни даже полной доставки дивизии в Турцию. Все ж таки, что ни говори, а этот генерал Чего-то-там-леску дурак первостатейный.

Окрестности города Берхтесгаден, шале Бергхов

19 марта 1940 года, 10 часов 30 минут.

— Присаживайтесь,

Герман,

присаживайтесь, — Адольф Гитлер, указывая на стул, улыбнулся среднего роста мужчине с серо-зелеными глазами, коротким ежиком седых волос и тонкими, наполовину седыми же, бровями.

Уже далеко немолодой, посетитель рейхсканцлера отнюдь не казался стариком. Форма генерала пехотных войск, украшенная шестью орденами, включая турецкий, австрийский и болгарский, а также нашивкой за ранение, сидела как влитая, а лицо, если не считать две глубокие складки, начинавшиеся у переносицы и тянувшиеся почти до середины лба, было практически лишено морщин. Вернее, морщины были, но заметны они становились лишь тогда, когда этот человек улыбался или смеялся, чего в разговоре с рейхсканцлером позволить себе, разумеется, не мог. Что могло выдать его возраст — так это руки: сухие, костлявые. Но в настоящий момент они были скрыты форменными офицерскими перчатками, и в целом этот человек производил впечатление подтянутого моложавого мужчины лет сорока-сорока пяти.

Дождавшись, когда гость займет указанное ему место, Гитлер продолжил:

— Скажите, что вы думаете о ходе кампании в Турции?

— Честно говоря, мой Фюрер, я думаю, что дела там идут крайне неважнецки, — отвечивал

генерал. — Но почему вы интересуетесь именно моим мнением?

Рейхсканцлер помолчал несколько секунд.

— Потому, что я считаю так же, и у меня будет к вам одна... просьба. Именно просьба. Но сначала я хотел бы услышать ваше мнение о перспективах турецкой кампании.

Теперь пришло время на несколько секунд задуматься посетителю.

— Как я понимаю, после падения Анкары Инёню намерен продолжать сопротивление?

— Да, — кивнул Гитлер.

— Ну что ж... — генерал кинул взгляд на карты, висевшие на стене кабинета, поднялся со своего места и проследовал к изображению Турции. — Бомбардировка нефтяных месторождений СССР была ничем иным, как подготовкой к вторжению на Кавказ, для контроля за его ресурсами. С утратой этого региона Советский Союз лишится большей части нефти и вынужден будет выйти из войны. Закупать ее ему будет просто негде — нам самим румынской нефти едва хватает, а ливийские месторождения еще не начали давать «кровь войны», США не продадут ни барреля, а с Францией и Англией Сталин в войне. Поэтому первостепенной целью франко-британского командования является именно Кавказ. В этом нет и не может быть ни малейших

сомнений — балканские страны не имеют ни количественно, ни качественно тех армии и флота, что имеются у СССР, сами по себе они не представляют угрозы интересам Франции и Англии. Советский Союз же... Если я не ошибаюсь, в составе его Черноморского флота имеется линкор, пять крейсеров и три дивизиона эсминцев. Вкупе с двумя дивизионами У-ботов это довольно значительные силы. Некоторое количество эсминцев и субмарин есть у Болгарии, Румынии и Турции, причем турецкие подводники уже умудрились потопить британский крейсер «Ковентри», да и «Гебен», прошу прощения — давно уже «Явуз Селим»...

— У румын два вспомогательных крейсера, семь миноносцев и эсминцев, один У-бот, не считая мелочи, — заметил Гитлер, сверившись с каким-то документом в перед ним открытой папке. — У болгар и того меньше. Но вы правы, они готовы поддержать Турцию и этой рухлядью тоже. Более того, Румыния и Венгрия даже дунайские флотилии готовят к отправке, хотя где они будут их применять — ума не приложу. Турецкие реки для таких кораблей, мягко говоря, приспособлены слабо. Но я перебил вас, продолжайте, Герман.

— Да, мой Фюрер. Итак, действия советско-турецкого флота на Средиземном море осложнят Средиземноморской эскадре

Великобритании борьбу с итальянским флотом, а если Сталин, Муссолини и Инёню смогут согласовать действия на море должным образом, то положение Королевского флота на этом театре военных действий может стать и вовсе шатким. Конечно, я не моряк, но полагаю, что гросс-адмирал Рёдер поддержит мои выкладки.

— Уже поддержал, — кивнул Гитлер, — продолжайте.

— Но даже если отбросить это обстоятельство, или предположить скорый разгром флота Королевства Италия, наступление на Кавказ для Вейгана и О'Коннора невозможно до разгрома западной группы войск Турции и союзников. Нет сомнений, сейчас вторжение в СССР для англо-французов было бы особенно легким. Кавказ полыхает восстаниями, для подавления которых РККА приходится идти и на крайне жесткие меры, и франко-британцы, вероятно, будут приняты местным населением как освободители. Но, оставив достаточное количество войск для сдерживания на западе, им не хватит сил для наступления на востоке, по крайней мере — в Советском Союзе. Кроме того, Инёню сможет перебросить часть своих резервов избиваемой восточной группе армий, используя транспортные суда и Причерноморское побережье. И наоборот — тем же путем, но с востока на запад, вполне может быть

переброшена часть войск. Из этого имеется лишь один вывод: противник должен расчленить Турцию на две части и выйти к Черному морю, чтобы действиями авиации предотвратить помощь одной группировке другой. Решив эту задачу, неприятель может наступать, причем ему вовсе незачем идти на Стамбул. Овладев Эскишехиром, французы и англичане, — по крайней мере на их месте я бы поступил так, — ударят на Измир и Бурсу. После их падения, судьба западной группировки будет решена. Много через Дарданеллы, когда тебе в спину дышат вражеские солдаты, не эвакуируешь, ну а если еще и Греция вступит в войну на стороне Англии и Франции...

Генерал покачал головой.

— Не сомневаюсь, что в этом случае восточная группировка почтет за лучшее признать власть марионеточного режима в Анкаре.

— Ну, хорошо, — произнес рейхсканцлер и по совместительству рейхспрезидент. — А куда, по-вашему, они ударят, чтобы рассечь Турцию?

Его собеседник задумчиво поглядел на карту.

— По большому счету, есть три варианта: на Зонгулдак, на Инеболу и на Самсун. Тактически, второй вариант лучше, поскольку позволяет повторить бомбардировки Одессы с меньшим расходом горючего, однако дороги к нему от Анкары далеко не так удобны, как по двум

остальным направлениям. Захват Зонгулдака создаст угрозу для Стамбула. Это облегчит взятие Эскишехира, поскольку часть войск будет переброшена на стамбульское направление, но туда довольно просто перекинуть подкрепление, да и спасется при разгроме западной группы куда как больше войск. Самсун же находится в самом центре Турции, его сложно снабжать, иначе как по морю, войск там мало и, в основном, это резервисты... Я бы ударил туда, с последующим захватом Синопа. Он на полуострове, оттуда тоже можно неплохо действовать авиацией.

— Резонно, — вздохнул Гитлер. — Ваши выводы почти стопроцентно совпадают с выводами ОКВ¹³ и Генерального штаба.

Адольф, урожденный Шикельгрубер, поднялся со своего места, где внимал речам своего визави, подошел к нему, и остановился.

— Итак, насчет моей просьбы, Герман, — рейхсканцлер помолчал. — Я знаю, что вы планировали для себя участие в разгроме Франции, возглавляя собственный танковый корпус, но в сложившейся обстановке я прошу вас отказаться от

¹³ ОКВ — Oberkommando der Wehrmacht. Верховное командование Вермахта, с 04.02.1938 г. центральный орган управленческой структуры вооруженных сил Германии.

этого предприятия и принять роль командующего войсками в Западной Турции.

— Но... у нас там, в основном, авиация, мой Фюрер. Я весьма польщен, но это все же несколько не по моей части. Почему я, а не кто-то из ведомства Геринга?

— Ну, вы скромничаете, — улыбнулся Гитлер. — Насколько я помню, с октября шестнадцатого и по август восемнадцатого года вы служили в штабе военно-воздушных сил Германии.

— О, когда это было, герр рейхсканцлер?

— Тогда же, когда Геринг воевал в воздухе, — спокойно ответил Гитлер. — Кроме того, мы уже провели консультации с союзниками, они готовы подчинить все имеющиеся войска в западной Турции нашему, немецкому генералу. Да и некоторое количество сил из состава ОКХ планируется отрядить именно туда. Так что вы мне ответите на мою просьбу, *генерал-полковник* Гот?

Окрестности города Мерзифон (Турция)

19 марта 1940 года, 11 часов 57 минут.

Макс-Гюнтер Шранк вышел из палатки радистов и мрачным взглядом уставился на стоящего неподалеку фон Берне.

— С-союзн-нички... — зло, сквозь зубы, процедил майор.

— Что, нас опять передислоцируют? — удивился оберлейтенант. — Теперь куда? На Кавказ?

— Шуточки все шутишь? — у Шранка дернулась щека. — Ну-ну. Шути. Я погляжу, как ты будешь шутить, когда тут будет неприятель. А будет он скоро.

— Да что случилось-то, герр майор? — опешил от такой резкой отповеди Дитер.

— А ничего хорошего, — отрезал комбат. — Турки с румынами налетели на врага под Чорумом. Хотя... Скорее это на них налетели. Развернутыми порядками на колонну. Кого сразу танками не раскатали, те пытаются оборону организовать. В общем, избиение младенцев там сейчас происходит. Дэскелеску¹⁴ убит, Февси тяжело ранен... Эти героические военачальники умудрились оказаться в самом авангарде колонны. Личным примером войска воодушевляли. Воодушевили, иху мать!

— А кто ж там сейчас командует? — изумился фон Берне.

¹⁴ Дэскелеску, Николае — румынский генерал. В этом варианте истории — командующий 16-й пехотной дивизии Королевства Румыния.

— Хороший вопрос, оберлейтенант, — Шранк извлек из нагрудного кармана портсигар. — Не знаю. Похоже, что никто не командует. В эфире сейчас сплошные призывы о помощи и противоречивые приказы на турецком и румынском языках.

— Значит, скоро начнут драпать, — мрачно заключил командир второй роты.

— Они бы может и рады, — майор прихватил губами папироску и начал хлопать себя по карманам, разыскивая спички. — Только тылов у них тоже уже нет. Франко-британская авиация оч-чень плотно по хвосту колонны сейчас работает.

— А... наша авиация?

— Была. — Шранк наконец обнаружил искомое и закурил. — Цельных шесть румынских He.112 и два IAR-80, да пара турецких PZL P.24. Половина из них сейчас догорает на земле, вторая половина героически удрала. А ты чего ожидал, Дитер? Что их прикрывать целый воздушный флот пошлют? Так что вскорости жди в гости супостата. Турок и тех румын, что успели отправиться на юг, раскатают до конца дня.

— До конца дня? Почти полную дивизию турок и полдивизии румын? — усомнился фон Берне.

Майор, попыхивая папиросой, поглядел на него с легким прищуром.

— Хочешь пари? — спросил он.

Центральная Турция, между горой Готрак и озером Эбер

19 марта 1940 года, 13 часов 41 минута.

Авиаторы устроили в воздухе смертельную пляску, полосуюя небеса огненными трассами очередей. Турки, венгры, румыны, югославы и русские отчаянно рвались к бомбардировщикам и штурмовикам врага. Большая часть англо-французских бомбовозов вынуждена была отвернуть обратно, не особо полагаясь на истребители сопровождения, и только два французских Pz-633 смогли сбросить свой груз на позиции оборонявшихся.

Едва улеглась пыль от взрывов бомб (не так чтоб очень точно легших на позиции 1-й моторизированной бригады Венгрии, державшую оборону на этом участке, но и не то, чтобы совсем оставившие ее без потерь в личном составе), как на вершине расположенного в километре от окопов пригорка неторопливо начали появляться танки врага: один Mk VI «Crusader», один французский АМС 34, два Mk V «Covenanter», пять Mk VII «Tetrarch» и четыре пулеметных двубашенных

Vickers Mk E. Последние были покрашены в камуфляж как-то наспех, и из-под него явственно проглядывали опознавательные знаки вооруженных сил Бразилии — президент Ваграс, заимев от Германии недостроенный «Лютцов», решил озаботиться вооружением и сухопутных сил. Увы, получить свой заказ в два десятка «Виккерс-шеститонный» ему было не суждено из-за начавшейся войны.

Для стрельбы из танковых пулеметов, да еще на ходу, было далековато, однако то один, то другой из танков, двинувшихся вперед, периодически останавливался на три-пять секунд, глухо ухало башенное орудие, и в расположении венгров, когда с перелетом, когда с недолетом, а иной раз и точно в траншее, с грохотом вспухал невысокий столб земли и огня. Двигающиеся под прикрытием брони британские пехотинцы тоже реденько постреливали из винтовок в сторону врага, но в целом предпочитали не высовываться.

В ответ замолотили двадцатимиллиметровые противотанковые пушки, на такой дистанции малоэффективные. Во-первых, в движущийся, пусть даже и неторопливо, танк надо было еще попасть. Во-вторых, танковую броню еще надо было и пробить. И пускай из всех наступающих машин нормальным бронированием мог похвалиться один лишь «Crusader», с километровой

дистанции взять лобовую броню танков для «колотушек» было практически нереально. Пехоте же бронебойные снаряды и вовсе не могли причинить ни малейшего ущерба.

В теории, наверное, артиллеристам это было известно. Однако когда на тебя движется бронированная махина, да еще и стреляет, о теории как-то редко вспоминают. К тому же, венгерские противотанкисты не имели ни малейшего боевого опыта применения своих орудий. Командование сказало, что если пушка противотанковая — значит, танки подбивать должна, и никаких гвоздей!

Впрочем, совсем неэффективным огонь артиллерии назвать было нельзя. Одному из расчетов все же удалось выцелить «Vickers» и точным выстрелом перебить ему трак. Механик-водитель не успел среагировать, его машину развернуло бортом, чем воспользовались еще два расчета, быстро наделав в бочине танка несколько аккуратных дырочек.

Успех этот, впрочем, для венгров был единственным, зато демаскировал позиции их артиллерии, которая безжалостно подавлялась сначала артиллерийским, а метров с пятисот и пулеметным огнем танков.

Где-то в тылу зачихали проснувшиеся наконец минометы, однако большинство их снарядов легло с существенным перелетом, а пара

упавших между танками мин не вывела из строя и дюжины «томми», не говоря уже о каком-то вреде танкам. Не считать же за таковой оцарапанную краску? Бронированные машины все надвигались и надвигались на траншеи. Несколько человек из обороняющихся уже кинулись бежать, бросив оружие (почти всех их беспощадно скосили пулеметными очередями), да и остальные, казалось бы, вот-вот в панике совершат, что называется, максимально поспешную ретираду, и вот, когда судьба обороны этого важнейшего участка висела на волоске, из густого колючего кустарника на левом фланге наступавших, взревев моторами, вылетели два танка — «Landsverk» L-60 шведского производства и чешский T-21 — оба с опознавательными знаками венгерской армии, а также восемь бронированных конструкций, которые франко-британцы впоследствии метко «окрестили» как «гробы с башнями».¹⁵ Ураганный огонь тридцатисемимиллиметровых и двадцатимиллиметровых башенных орудий с

¹⁵ Имеется в виду 39M «Csaba» — венгерский броневедомитель (броня 7–13 мм, вооружен одной двадцатимиллиметровой пушкой 36М. и двумя восьмимиллиметровыми пулеметами). Формой корпуса поразительно напоминал гроб. В реальной истории применялся исключительно на Восточном фронте.

каких-то двух сотен метров был, пускай и не смертоносен, но довольно эффективен: в первую же минуту встали и загорелись АМС 34, по два «Tetrarch» и «Vickers», а пулеметный огонь боевых машин отсекал от танков британскую пехоту.

Англичане, однако, не растерялись, открыли ответный огонь, и даже вновь участвовавшая стрельба воодушевленных подмогой уцелевших противотанкистов, не помешала сынам туманного Альбиона в следующие пять минут сжечь три «гроба» и, направленный на испытание в боевых условиях, Т-21, который, после провала переговоров с румынами, фирма «Шкода» надеялась серийно всучить венграм. Еще несколько минут скоротечного боя, когда венгерская техника, огрызаясь, пятилась обратно, стоил оборонявшимся еще двух броневых автомобилей и замершего у самого кустарника, откуда происходила атака, L-60 (после боя его эвакуировали в тыл и успешно починили). У англичан огнем ПТО и башенных орудий были уничтожены лишь «Covenanter» и «Vickers», однако серьезные потери в живой силе, понесенные во время неожиданной контратаки, принудили их отказаться от продолжения нападения и отступить. Тем более, что в тылу обороняющихся показалось несколько 38М «Toldi», тех же самых «Landsverk» L-60, по сути своей, только несколько переработанных венгерскими конструкторами под

нужды их армии.

Окрестности города Мерзифон (Турция)

19 марта 1940 года, 14 часов 25 минут.

Война войной, а обед по распорядку — эту нехитрую солдатскую мудрость озвучил Генке Бюндель, когда егеря неожиданно побросали все дела и потянулись к подъехавшей полевой кухне.

— А разве не надо ждать приказа на получение пищи? — удивился мальчик, но взял посуду, ложку и тоже двинулся к раздаче.

— Ну, когда в казарме, коньечно надо, — пожал плечами оберягер. — А в боевой обстановке, какой же дурак будет устраивать построенья и водить на обед строем? А если авианалет? Вон, погляди, Гейнц, — Курт ткнул рукой куда-то в сторону, — наблюдателей за ньебом никто с позиций не снимал. Сейчас поедим и их сменяем. Наша с тобой очередь дежурить.

— Als die Steine zu schleppen,¹⁶ — заметил Гена. Разговорный немецкий он усваивал быстро, хотя на сложных словах все еще запинаясь.

¹⁶ Это лучше, чем таскать камни. (нем.)

— Du hast recht,¹⁷ — ответил горнострелок.

Первого, что вызвало среди солдат некоторое неудовольствие, повара не привезли, зато каши, жирной, с большим количеством крупных кусков мяса, дюжий бешлагмайстер, стоявший на раздаче, наваливал от души.

— Wohin? — аж поперхнулся Генка, когда в его котелке оказался полный, с горкой, черпак каши. — Ich kann nicht soviel essen!¹⁸

— Wer frist viel, den wird General, Junge! — хохотнул кашевар. — Der Folgende!¹⁹

— Я же лопну, — пробурчал парень, отходя от полевой кухни.

— Не дьелай этого рядом со мной, Гейнц, — хохотнул Бюндель. — Не люблю стирать.

— Твою форму после сегодняшнего все равно уже ничем не отстираешь, Курт, — парировал Кудрин и показал оберягеру язык.

Форма у егерей, за полдня работы, и впрямь была пропылена до состояния половичка, не один

¹⁷ Ты прав. (нем.)

¹⁸ Куда? Я столько много не съем! (нем.)

¹⁹ Кто много ест, тот станет генералом, мальчик! Следующий! (нем.)

год пролежавшего на пороге дома.

Свою неспособность справиться с таким количеством еды он, правда несколько преувеличил. Влезло все — удивительно вкусной оказалась каша, совсем не похожая на то, чем кормили в приюте. Нет, там, конечно, тоже не помои давали, но такой вкусноты как-то не попадалось.

— Hast du aless gegessen?²⁰ — дружелюбно поинтересовался Бюндель полчаса спустя.

— Ыхы. — Генка сидел и отдувался. — Глаза боются, ложка делает. Наелся до одышки... Уф. Прямо как дурак на первый день Пасхи, чес-слово.

Несколько мгновений оберягер переводил для себя этот словесный пассаж, а потом расхохотался.

— У русских очень образный язык. Встать-то сможешь?

— По... ох... попробую, герр оберягер.

— Пойдем уж, обжора, — хмыкнул наставник и вручил парню бинокль. — Будем учить тьебя военному ремеслу. Ну, и немецкому, заодно, а то Папаша Браунбёр обещьял с мьенья шкуру содрать за твое знание языка.

Окрестности города Чорум (Турция)

²⁰ Всё съел? (нем.)

19 марта 1940 года, 14 часов 57 минут.

Аджьюдан Луи Готье резво, насколько позволяли местность и двигатель танка, объехал подбитый D1В и направил свой R-39 прямо на вражеское противотанковое орудие. В тот же момент в башне заколотил спаренный с орудием 7,5-мм «Mitralleuse mle 1931» — надежный, смертоносный «Рейбель».²¹ Командир машины, аспирант Дюбуа, слыл стрелком не столько лихим, сколько метким, так что Луи ни минуты не сомневался в том, что тот набьет больше турок, чем пулеметчики наступающих рядом «Renault UE Chenillette» и двух британских «Universal Carrier». Тем более, что танкетки, по причине слабого бронирования, в лидеры особо и не рвались.

Последний раз гагахнула противотанковая сорокасемимиллиметровая пушка, безбожно промазала и больше беспокойства французскому

²¹ «Reibel» — французский танковый и крепостной пулемет, разработанный правительственным арсеналом в Шательро на базе ручного пулемета FM 24/29 в 1931 г. Назван в честь полковника Рейбея, управлявшего в то время правительственным арсеналом.

механику-водителю не доставляла. Аджюдан был уверен в своем командире совсем не напрасно.

— Вперед, Готье! — прокричал Дюбуа. — Вперед! Сейчас мы их!.. А это что за хреновина?!!

Из-за пригорка появилось нечто страшное, горбатенькое и тихоходное, но с опознавательными знаками румынских вооруженных сил и тремя пулеметами.

— Бронированный верблюд, мсье аспирант! — отозвался Луи, разглядевший вражеский ОА vz.27 в смотровую щель.

— А вот мы сейчас глянем, насколько он бронированный. Стой! — прорычал Дюбуа, наводя башенное орудие на уродливое детище чешского Škoda Holding. — Откуда ж у них все время подкрепления лезут?

Замершая на месте боевая машина рывкнула в сторону бронеавтомобиля башенной тридцатисемимиллиметровой SA38, и аспирант, с уже гораздо большим удовлетворением, добавил:

— Где ж мы их всех хоронить-то будем?

Стрелял он метко не только из пулемета.

Окрестности города Мерзифон (Турция)

19 марта 1940 года, 16 часов 12 минут.

— А чего майор сегодня злой такой? — поинтересовался Генка у Бюнделя.

— Так веселиться ему, вроде бы, не с чего, — пожал плечами тот. — Помнишь, мимо нас на юг турецкие и румынские колонны шли?

— Ага, — кивнул парень.

Разговор шел преимущественно на немецком, хотя Кудрину, хоть и изучавшему этот язык в школе, не хватало словарного запаса, и он поминутно сбивался на русскую речь.

— Ну так вот, нету больше этих колонн, — вздохнул Курт и оторвался от окуляров бинокля, через который высматривал в небесах вражеских авиаторов. К вечеру небо затянуло облачками, и видимость, один черт, была крайне неважнецкой.

— Что значит — нету? — удивился Гена, но, в отличие от старшего товарища наблюдение за небом не прекратил, хотя за весь день всего-то и видал, что два Р.24, не то румынских, не то турецких, да одинокий Ме-110. — Куда же они делись?

— Никуда не делись, — вздохнул Бюндель и вернулся к наблюдению. — Там все остались. На марше были, вылетели прямо на вражеские танки.

— И что?

— И все, — лаконично ответил немец.

— Так это... Погоди, их попереубивали там всех, что ли? — теперь уже бинокль опустил Генка.

— Ну, может, и не всех... — задумчиво ответил оберягер. — Но теперь ждать противника стоит нам, а те из румын, что высадились в Турции, но не успели двинуться в сторону Анкары, так и торчат на побережье, к нам на помощь не торопятся. Одна надежда, что ваши танкисты успеют.

— Так ведь надо тогда и за дорогой следовать! — воскликнул парень и, переведя взор на нее, вздрогнул, после чего хрипло прошептал: — Курт... А вот же они, как раз к нам и едут.

— Где?! — горный стрелок оторвался от созерцания небосвода и уставился туда же, куда и его подопечный.

На дороге, примерно в двух-двух с половиной километрах от позиций батальона явственно различимы были два броневедомола, грузовик с солдатами и бензовоз. Кроме солдат в кузове грузовика вез еще и прицепленную к нему пушку.

— На наши БА-20 похожи, я их видел несколько раз, — пробормотал Кудрин. — Только колес не четыре, а шесть.

— Не бойся, это румынские ОА vz.30... наверное, — ответил Бюндель. — Хотя — черт его знает, на самом-то деле. Давай-ка бегом к майору, доложи об их приближении.

Окрестности города Валендорф, штаб

19-го корпуса

19 марта 1940 года, 16 часов 20 минут.

Генерал танковых войск Гудериан был зол как черт. Нет — как тысяча чертей! Сроки начала наступления на Францию опять переносились — ну не справлялась транспортная система рейха с количеством войск, которые приходилось перекидывать на запад от польской границы. А все от великой «мудрости» фюрера, Канариса и Гейдриха. Именно последние двое присоветовали Гитлеру начать перед войной реальное развертывание войск на восточной границе, чтобы французы и англичане ни в коем случае не догадались о немецких планах и были свято уверены в том, что польско-германское вторжение в СССР — дело решенное.

Что характерно, приданную его корпусу 14-ю ттбр РККА перекинули уже почти целиком. Польские 7ТР в 15-й корпус тоже доставили, после чего сняли с его командования Гота и устроили там чехарду со сменой командиров — это перед началом наступления-то! — за какие-то заслуги выпихнув (иного приличного слова Гудериан к этому процессу и подобрать-то не мог) в командующие корпусом Роммеля. А вот новейшие

тяжелые танки Вермахта, Pz-V «Donner»,²² как застряли где-то между Валендорфом и Берлином, так по сю пору все еще и не появились. Ко всему прочему, Браухич, похоже, сошел с ума — как еще можно объяснить радиogramмы с запросами о его, Гудериана, месте нахождения? Диалог с ОКХ получился, как у глухого с немым, что-то вроде:

— Укажите ваше место расположения.

— Валендорф.

— Точно Валендорф?

— Точно.

— Совсем точно?

— Совсем точно.

— А не в Герзе?

— Нет. А где это — Герзе?

— Это в Северной Турции. Так вы точно в Валендорфе, а не в Герзе?

— Да пошли вы все на х... й! Точно!

Если перевести обмен радиogramмами с казенного на нормальный немецкий язык, то так все примерно и было.

²² Выдуманный автором тяжелый немецкий танк Порше-Гротте. Бронирование 60–45 мм. Вооружение: 88-мм орудие KwK 36 L/47 (также выдуманное), два 7,92-мм пулемета MG-34. Подробнее о танке и его создании см. роман «Нихт капитулирен!»

Вот, спрашивается, что он мог делать в этом самом Герзе? Он его и на карте-то едва-едва отыскал.

Гудериан устало потер глаза и глянул на часы. Пора ехать к русским танкистам с инспекцией — автомобиль уже должны подать.

Окрестности города Мерзифон (Турция)

19 марта 1940 года, 16 часов 54 минуты.

— Так, ну и где этот чертов зондерфюрер?!! — если «Быстроходный Гейнц» в далеком Валендорфе был просто очень зол, то майор Шранк уже вплотную приблизился к точке перехода из ярости в неуправляемое бешенство. — Цугфюрер²³ Кнопф, я вас спрашиваю, где вы

²³ Зондерфюреры — специалисты по заготовкам продовольствия, фуража и других материальных средств на оккупированных территориях, переводчики, технические и прочие специалисты, значимость обязанностей которых приравнивалась к уровню офицеров, но не имеющих права на присвоение офицерского звания или звания военного чиновника соответствующего ранга ввиду отсутствия или недостаточности военной подготовки. Звание цугфюрера примерно равнялось общевойсковому лейтенанту или унтерштурмфюреру в Ваффен-СС.

шлялись?! Молчать! Боевая тревога была объявлена четверть часа назад! А если бы это был враг на трофейной технике? Противник в прямой видимости, а переводить с румынского некому!

Понять настроение комбата было можно. С самого утра нервотрепка, тяжелый труд (а работал на укреплениях позиций Макс-Гюнтер наравне со всеми), а тут прибегает юная головная боль и на скверном немецком докладывает, что к недооборудованным позициям приближается бронетехника. Причем с юга, откуда бронетехнику можно ждать только вражескую.

Короче говоря, когда чудом успевшие убраться поближе к тылам румыны появились в прицелах горных пушек, Шранк едва не отдал приказ открыть огонь.

Дальше, когда машины все же добрались до позиций горных стрелков, было еще веселее. Выскочивший из ОА vz.30 молодой мужчина в форме локотенанта попытался что-то объяснить майору, поминутно указывая то назад, на юг, то в сторону, куда двигалась его маленькая колонна. Увы, его пламенная речь оставила ни бельмеса не понимавшего по-румынски Шранка абсолютно равнодушным, а вот поведение... Поведение румына майора раздражало, поэтому, когда

локотенант, поняв, что его доводы не доходят до холодного немецкого разума, что-то приказал своему водителю — ну, что именно это, положим, и дураку понятно, — и попытался укрыться в своем бронев автомобиле, то был схвачен за шкуру старшим по званию, изрядно встряхнут... Вот тут-то нервы майора и не выдержали. Сначала Шранк высказал своему визави все, что он о нем думает, а потом, убедившись, что они друг друга не понимают, взревел белугой, требуя переводчика. Ну, накипело на сердце у мужика, чего уж.

— Осмелюсь доложить, герр майор, что и от позиций радистов, где *вы* приказали мне находиться, я этого олуха Царя Небесного отлично слышал, — окрысился Густав Кнопф. — Локотенант Яковина имел вам сообщить, что был в арьергарде, который почти полностью уничтожен массированным авиаударом, что двум бронев автомобилям, бензовозу и автомобилю, который перевозил противотанковое орудие и его расчет, удалось уцелеть, что Дэскелеску разбит, и локотенант спешит выдвинуться в расположение остатков своей дивизии, чего и вам желает.

Майор отпустил румына, задумчиво поглядел на пушку, потом на бронев автомобили, и произнес:

— Скажите ему, цугфюрер, что уже никто никуда не едет.

Окрестности города Валендорф, расположение XIX корпуса

19 марта 1940 года, 17 часов 10 минут.

Неторопливая езда несколько успокоила Гудериана. Генеральский «хорьх» вальяжно переваливался с кочки на кочку, двигаясь по изрытой танковыми траками грунтовке и периодически чавкая колесом в очередной луже. За окнами авто проплывали окончательно освободившиеся от снега поля, начавшие зеленеть кусты, армейские палатки и бронетехника. Пейзаж умиротворял, а свежий аромат весны, проникающий в салон через чуть приоткрытое окошко, окончательно выдул из генеральской головы все недовольство. Даже фуражка не помогла.

Гудериан лениво скользил взглядом по окрестностям, когда что-то привлекло его внимание. Пару секунд он соображал, что же именно, а потом коснулся плеча водителя и указал на группу танков, судя по всему, подвергающихся профилактическому осмотру.

— Заедь-ка туда, Ганс, — негромко приказал генерал.

«Хорьх» подъехал к указанному Гудерианом

танку почти бесшумно. Командующий 19-го корпуса выбрался из салона, закурил и минут пять наблюдал за двумя советскими и одним немецким танкистом (все трое с боевыми наградами), что-то горячо обсуждающими у открытого моторного отсека Pz-III Ausf. F и совершенно не обращающими внимание на окружающую действительность.

— А я говорю, это полная ерунда! — категорически заявил на скверном немецком с сильным славянским акцентом мужчина в форме батальонного комиссара РККА. — У нас этого конструктора лет на пятнадцать в лагеря отправили бы, за вредительство.

— Но ведь создателя Т-35 не отправили! — парировал немец.

— Ты наши линкоры, Андрюша, не трогай! — возмутился русский и предупреждающе помахал перед лицом немца пальцем. — Вон, Максим Александрович, — тут комиссар указал на стоявшего рядом советского капитана, — на нем даже на таран японца ходил, и ничего! Раздавил как консервную банку.

— Кхе-гм. Я вас ни от чего не отвлекаю? — подал голос Гудериан.

Все трое повернулись к нему с явно написанным на лицах намерением немедленно послать куда-то очень далеко и нецензурно, но

вытянулись по стойке «смирно» где стояли.

— Капитан Андреас Бейттель, если не ошибаюсь, — произнес генерал танковых войск. — Я вижу, вы уже нашли общий язык с нашими советскими камрадами. Похвально, похвально... Что вы там такое обсуждаете?

Гудериан начал карабкаться на боевую машину, проигнорировав протянутые для помощи руки.

— Капитан Хальсен.

— Батальонный комиссар Вилко, — красные командиры козырнули, представляясь.

Следующие полчаса Вилко до хрипоты спорил с Гудерианом, доказывая командиру корпуса, что, кроме оптики, в немецких танках нет ничего хорошего, а Хальсен и Бейттель тихо офигевали от такой непосредственности.

— Это ж не машина, это вредительство! — горячился комиссар, указывая на стоящий рядом Pz-III. — Самоходный гроб!

— Можно подумать, что ваши Т-26 или «Кристи»²⁴ это образцы высокотехнологичных боевых машин, — обиделся на критику германской техники бывший генерал-инспектор танковых

²⁴ Немцы называли танки БТ, вне зависимости от модификации, «Кристи русский».

войск. — Бронированные самовары! А Т-28 — вот это уж воистину гробы.

— Советский Т-28 — это крейсер степей, не чета вашим Panzerkampfwagen Neubaufahrzeug, которых Рейх и выпустил-то всего ничего, — экспрессивно ответил Вилко. — А БТ-7 и Т-26 броней, может, и не вышли, хотя БТ-7-то как раз мало чем уступает тем вон братским могилам танкистов, зато вооружены сорокапятимиллиметровками. Не то что убогие «двойки» вермахта. И я еще молчу про БТ-7А!

— Вот лучше и помолчите! — взъярился Гудериан. — БТ-7А не танк, а вообще один Бог знает что!

— Бога нет, — машинально буркнул кандидат в члены ВКП(б) Хальсен.

— И наша KwK 30 — это лучшая и точнейшая арт-система в своем классе! — не услышал его генерал.

— Так точная-то она точная, только толку от этого? — усмехнулся Вилко. — Попадает, но ni figa не пробивает. — Зато наша как жажнет, так и выноси супостата вперед ногами. И это я уже не говорю про наши КВ и БХ.²⁵ А у вас что? Вот это

²⁵ Еще один придуманный автором образец бронетехники — САУ «Богдан Хмельницкий» на основе танка Т-100, вооруженное 152-мм орудием МЛ 20 и 3 пулеметами ДТ.

вот убожество?

Арсений Тарасович Вилко кивнул в сторону командирского Pz-IVD Бейттеля. «Быстроходный Гейнц» побагровел.

— Танки Pz-V «Donner» в корпус еще не прибыли, потому что ОКХ отчего-то решило в первую очередь прислать на мою голову ваши недотанкетки!

Вот в таком духе комиссар с генералом и беседовали все полчаса. Что по поводу этой беседы командир бригады комдив Фекленко впоследствии сказал майору Бохайскому, в батальоне которого служили Вилко и Хальсен, и как эту информацию, творчески дополнив, довел до комиссара сам Егор Михайлович, истории доподлинно неизвестно, но, видимо, печатными там были только междометия и восклицательный знак в конце фразы.

Аахен, штаб XV корпуса

19 марта 1940 года, 19 часов 00 минут.

Генерал-майор Эрвин Ойген Йоханнес Роммель устало опустил бритую голову на

Подробнее о создании см. роман «Нихт капитулирен!»

сомкнутые «в замок» ладони. Мозг просто взрывался от вала рапортов, предписаний, инструкций, директив и докладов, который обрушился на него с того самого момента, как Папашу Гота перевели в Турцию. Не то, чтобы недавнему командиру 7-ой танковой дивизии их раньше совсем не поступало, но все же явно не в таком объеме. Дивизионный и корпусной уровень бюрократии — это совсем не одно и то же. Конечно, опыт руководства Терезианской военной академией, старейшим военным учебным заведением в мире, ставкой фюрера и, недолгого — 7-й танковой дивизией, пока помогало справляться, но... не так, чтоб очень. Тем более, что преобразование академии в сержантскую школу это не то достижение, которым следовало бы гордиться. Товарек, может, и глупо поступил, но не посрамил честь офицера...²⁶ За что пострадала вся академия.

Приняв дела у нежданно-негаданно получившего генерал-полковничьи погоны Гота,

²⁶ После провозглашения аншлюса комендант Терезианской академии генерал-майор Рудольф Товарек отказался впустить части вермахта на территорию академии, приказал караулу сомкнуть штыки и удерживал вход в замок несколько дней. За свои действия он был отправлен в отставку с правом ношения формы.

Роммель оказался с головой накрыт девятым валом задач и забот, требующих немедленного, как бы еще даже вчера, решения.

Сам генерал-майор никак не мог взять в толк, с чего б это такая милость на его лысую голову? Конечно, Гитлер ему благоволил, но не до такой же степени, чтобы ставить под большой и жирный вопросительный знак успешность действий целого корпуса в грядущей операции «Гелб». Или до такой?

Факт, впрочем, оставался фактом. Прощаясь, Гот прямо заявил: «Эрвин, не обижайтесь, но, будь моя воля, корпус достался бы кому-нибудь другому. Не ваш это пока уровень. Но — это личное решение Гитлера, не мне с ним спорить». Оба генерала, не посвященные в тайну существования пришельца из будущего, не могли и представить, какими красками расписал Карл-Вильгельм Геббельс Эрвина Ойгена Йоханнеса — практически единственного генерала, про которого хоть что-то знал.

Роммель поначалу был несколько уязвлен словами Гота, но события последних нескольких дней, за которые он осунулся, похудел, а из всех желаний сохранил лишь мечту о крепком и длительном сне, уверили его в правоте генерал-полковника. Не его это уровень, ох, не его. Если бы не помощь начальника штаба, полковника

Бернуча, он бы не справился.

«Вот так и начинаешь ценить генштабовских», — невесело усмехнулся Роммель и выпрямился. Работы на сегодня было еще много — он не мог себе позволить долгий отдых.

Взяв список со штатами дивизий и бригад, генерал-майор нахмурился. «Ну, и куда же мне впихнуть бронированных уродцев майора Касперского?» — подумал он и нахмурился еще сильнее. 7TP и TKS Речи Посполитой в штаты укладываться не хотели.

Окрестности города Мерзифон (Турция)

20 марта 1940 года, 10 часов 22 минуты.

— Вот, Гейнц, это пистолет-пулемет MP.41, — произнес Бюндель, присаживаясь рядом с Кудриным.

— Угу, — кивнул Генка, зашивая прохудившийся носок прямо на ноге.

На «германизацию» своего имени он не обижался: ну привычнее людям так, чего уж теперь? Колобком не называют, в печку не ставят — уже хорошо. А пистолет-пулемет этот он уже видел, и даже в руках давали подержать. У половины егерей такой был, ну или, может быть, у

трети. У остальных, кроме пулеметчиков и офицеров, были карабины Mauser 98k — эти ему тоже подержать давали, еще в самый первый день после госпиталя.

— Бери, — Курт протянул автомат Гене. — Оберфельдфебель Фишер приказал тебе выдать оружие.

Неслышно проходивший в паре метров за их спинами фон Берне замер, как был, с поднятой для шага ногой, затем медленно опустил ботинок на камень и повернул голову в сторону Кудрина/Гудериана и оберягера. Лицо герра оберлейтенанта в этот момент выражало крайнюю степень изумления. Лицо Генки — тоже.

— Мне? Оружие?!! Vsamdelischnoe?!! — парень неверящими глазами уставился на Бюнделя.

— Бери, — рассмеялся Курт и добавил, уже по-русски: — Дают — берьи, бьют — беги, так?

— Ага, — со счастливой физиономией ответил мальчик и принял пистолет-пулемет обеими руками.

Все так же молчащий фон Берне сделал пару неслышных шагов назад, огляделся и с очень нехорошим выражением лица поманил к себе Фишера, как раз закончившего разнос кого-то из егерей.

— Иголку-то из носка вынь, чучело, — хмыкнул оберягер. — Потом дозашьешь, обувайся.

Сейчас обучу тебя сборке и разборке, а там и стрелять пойдем.

— Стрелять?! — казалось, глаза парня сиять сильнее уже не могут (а где вы видали пацана, который не мечтал бы об оружии, хоть на время — не убить кого-то, а так, из неизжитого еще обществом и цивилизацией инстинкта охотника и воина?), однако, поди ж ты. Еще как могут.

— Ну, а для чего еще нужно оружие? Стрелять из него, конечно, — рассудительно ответил Бюндель.

Генка мигом воткнул иголку за отворот воротника, натянул ботинок поверх недоштопанного носка и всем своим видом изобразил готовность и желание учиться. Оберягер усмехнулся. Оберлейтенант тоже.

— А скажи-ка мне, Ролле, — фон Берне обнял Фишера за плечо и кивнул в сторону Курта и Генки, — что вот это такое есть?

— Это? — Папаша Браунбёрн ожидал неприятностей от своего решения, но не думал, что они наступят так скоро. — Это, герр офицер, старший товарищ обучает младшего устройству и применению пистолета-пулемета Эм-Пэ сорок один.

— Знаешь, мне очень жаль, что мы находимся в мусульманской стране, — как насытившийся тигр, промурлыкал оберлейтенант.

— А, осмелюсь спросить, почему? — поинтересовался столь неожиданным поворотом в разговоре Рольф.

— Потому что тогда, — фон Берне не сменил тона, — я бы послал тебя на ближайший рынок за свиной головой. Чтоб ты ей мозги пудрил, а не мне. Скажи-ка мне для начала, друг любезный, кому это пришла в голову такая светлая мысль — дать мальчику оружие? Боевое.

— Ну, мне... герр оберлейтенант, — набычился Фишер. — Не вижу в этом ничего плохого. Не сегодня-завтра здесь будут французы с англичанами, а пареньку, кроме как лопаткой, и отбиваться нечем. Уж коли вы изволили посадить его на мою шею, мой долг вернуть его вам потом в целости и сохранности. Что, в боевых условиях, сделать будет затруднительно, если не вооружить парня. И не обучить использовать оружие, конечно, герр оберлейтенант. Опять же, оформлен он в батальоне как кандидат в егеря.

Фон Берне издал неопределенный смешок.

— Законник... Обербеомтенмайстер бейм райхскригсгерихт²⁷ Фишер... Он у тебя под весом вооружения и амуниции не загнется, Ролле? Пять

²⁷ Звание в Имперском военном суде, соответствующее воинскому званию «оберфельдфебель».

килограммов, не считая патронов и запасных обойм же. Ты б ему хоть карабин дал бы, что ли, всё на девятьсот грамм легче.

— Да куда ж ему карабин-то? — искренне изумился оберфельдфебель. — Он же с ним вровень длиной. Ну... не вровень, конечно, но неудобно будет парню. Слишком длинное это для него оружие.

— Ну смотри, — фон Берне погрозил своему командиру первого взвода пальцем. — Под твою ответственность. Если пацан себе что-нибудь нечаянно отстрелит, ты лучше отстрели себе то же самое. А потом себе же открути голову, нас с майором не дожидаясь.

— Не извольте сомневаться, герр оберлейтенант, — осклабился Фишер, почуяв, что буря прошла стороной. — Все будет в лучшем виде. Гудериан у меня еще образцово-показательным солдатом станет.

Командир роты усмехнулся и сделал уже пару шагов в сторону, как вдруг замер, повернулся к Фишеру и с нехорошим прищуром уставился на оберфельдфебеля.

— Ролле, скажи мне... Вот в наш батальон пробную партию в полторы сотни MP.41 прислали, в боевых условиях испытать, и мы вроде бы как все раздали по личному составу.

— Так точно, — ответил тот.